

В СВОДКАХ НЕ СООБЩАЛОСЬ...

**АНАТОЛИЙ
МАТВИЕНКО**

**УКУС
ХАСКИ**

В сводках не сообщалось...

Анатолий Матвиенко
Укус хаски (сборник)

«ВЕЧЕ»

2019

Матвиенко А. Е.

Укус хаски (сборник) / А. Е. Матвиенко — «ВЕЧЕ», 2019 — (В сводках не сообщалось...)

ISBN 978-5-4484-8013-3

Воевать в иностранной армии – быть чужим среди своих, чувствовать обособленность, недоверие – всегда сложно. Но именно чужаки-иностранцы в годы Второй мировой войны постоянно оказывались в ключевых точках важнейших битв, где решалось, кому и какой ценой достанется Победа. Особенно это проявилось в обманных, отвлекающих ударах, вызывавших самые серьезные последствия. Даже не в ударах, скорее – укусах в чувствительное место противника, который не ожидал нападения. Герои произведений, вошедших в новую книгу известного белорусского писателя Анатолия Матвиенко, как и миллионы ветеранов той войны, сражаются за пределами своей Родины в иностранных войсках: в Королевских ВВС Великобритании, в армии США, армии Андерса и даже во французской дивизии СС. Но чужой войны не бывает, особенно когда гибнут родственники, друзья, однополчане. Она всегда становится личным делом...

ISBN 978-5-4484-8013-3

© Матвиенко А. Е., 2019

© ВЕЧЕ, 2019

Содержание

Укус хаски	6
Глава первая. Пленный	6
Глава вторая. Воины второго сорта	11
Глава третья. Впереди собственного визга	16
Глава четвёртая. Не заслуживающий доверия	21
Глава пятая. На островах	27
Глава шестая. «Цитадель» начинается	33
Глава седьмая. Время решений	39
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Анатолий Матвиенко

Укус хаски

© Матвиенко А.Е., 2019

© ООО «Издательство «Вече», 2019

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2019

Сайт издательства www.veche.ru

Укус хаски Повесть

Глава первая. Пленный

Воронежский фронт. Село Успенново, 27 июня 1943 года

Арестант в советской лётной форме тяжело переставлял ноги. Его унылый вид с тусклым, погасшим взором не обманул конвоиров с винтовками наперевес. На напряжённых лицах красноармейцев читалось: дёрнись, гад, и в потную спину вопьётся пуля.

Андрей, заметив конвой, задержал шаг. В пыльной физиономии задержанного почудилось что-то знакомое, из забытой прежней жизни... Это секундное волнение молодого офицера не осталось незамеченным.

– Лейтенант! Ты, новенький! А ну ко мне! Живо! Рысью!

Капитан Волощенко из Смерша, на него Андрею указали пару дней назад по прибытии в танковый корпус, взбивал сапогами сухую грязь по правую руку от пленного, помахивая пистолетом ТТ. Не угадать профессию этого военного было невозможно. Выражение глаз, походка и скривлённая губа с погасшей папироской свидетельствовали о сознании принадлежности к особой касте.

– Гвардии лейтенант Кревский! – Андрей козырнул, шагнув навстречу.

Взглядом, цепким как у коршуна, особист вперился в танкиста.

– Лейтенант, знаешь эту гниду?

– Никак нет, товарищ капитан. Похож на одного... Но – нет.

Война подняла с мест и перемешала миллионы людей. Увидеть среди них знакомое лицо – практически невероятно. Тем не менее почти у каждого на фронте случались невозможные совпадения, когда вдруг напарывался на земляка или товарища по училищу. Далеко не все встречи бывают приятными, в том числе – эта.

– А ты, урод, знаешь нашего? – не успокоился чекист.

– Нихт ферштейн, – отмахнулся пленный и глянул на Андрея с лёгкой ухмылкой. Приподнявшаяся губа обнажила провал в передних зубах, сочившийся кровью.

Выходит, переодетый немецкий шпион... Он совсем не напоминал истинного арийца, был по-славянски ширококул и тёмно-рус. Глаз окружила синева кровоподтёка, продолговатого, как приклад трёхлинейки. Сплюнув розовую пенку, пленный приветственно махнул пятернёй Андрею.

– Вита́м, пан!

– Как чувствовал! – расцвёл Волощенко. – Чот ты темнишь, лейтенант. А ну – марш за мной в штаб, поговорим по душам.

– Есть... – брякнул Андрей, предчувствуя нагоняй от ротного за неизбежное опоздание к интенданту. Из объятий фронтовой контрразведки быстро не выбраться. Если выберешься вообще.

Он пристроился вслед за капитаном, чувствуя растерянность двух бойцов из комендантского взвода, они не поняли, надо ли следить за лейтенантом как за арестантом или танкист пока ещё считается своим, раз начальник не приказал забрать у него оружие. Замешательство конвоя – дело десятое, за три сотни шагов до штаба Андрею нужно было срочно просчитать линию поведения, что говорить, если пленник вспомнит и фамилию земляка, не ту, что записана в личном деле... Как пить дать сочтут шпионом и поставят к стенке без долгих разговоров!

Под ногами танкиста вилась немощёная улочка села Успенowo, обезображенного отметинами войны. Фронт прокатился на запад всего несколько месяцев назад, оставил язвы сгоревших домов, поваленных плетней, снарядных воронок, остовов брошенной техники... Как сейчас выглядит родной Новогрудок? Такая же свалка брёвен и камней? В июне сорок первого немцы захватили город стремительно, скорее всего, без разрушений. Но его ещё освободить... Кто теперь живёт в их доме?

Углубиться в мысли капитан не позволил.

– Лейтенант! В твоём личном деле написано – ты из Польши.

Андрей нервно сглотнул. Вот же угораздило... В корпус прибыло до полусотни офицеров пополнения, контрразведчик, получается, не только удосужился просмотреть документы каждого, но и запомнить скользкие места. Наскоро слепленная на Белорусском вокзале легенда, выручавшая три с половиной года, вот-вот затрещит по швам!

– Так точно. Сиротой бежал из-под Торуни. Пленный похож на парня, виденного в детстве, в Крэсах Усходних. Так в Польше называли Западную Белоруссию. Если это он, товарищ капитан, то знает русский.

– Но прикидывается, что не понимает. Опасный, сучий сын. Когда задерживали, «вальтер» бросил, руки поднял – сдаётся, тварь! Потом Прохоренку ножом в брюхо р-раз – и готов. Я этого гада сам урою...

Волощенко забористо матюгнулся и примолк, а Андрей принялся ломать голову: не означает ли приступ говорливости, что особист считает его едва ли не соучастником убийства солдата из комендантских и готовится колоть на признание. Либо отложил компромат на потом?

Оказалось – второе.

– Лейтенант, будешь переводить. Чую, твой польский лучше моего немецкого.

Каморка капитана, пусть тесная, но всё же отдельный кабинет, находилась под надзором Дзержинского и Сталина. Феликс Эдмундович с фотопортрета наблюдал за Андреем строго и устало, Верховный позволил себе отвлечься, углубившись в чтение «Правды».

Особист кинул планшетку на стол, дулом ТТ показал пленному на стул у окна. Конвой замер за дверью, Андрей втиснулся в промежуток между столом и стеной с портретами. Он по-прежнему чувствовал себя в ловушке. Пленник преодолел апатию и развалился на стуле, откуда бесцеремонно разглядывал обоих офицеров.

Волощенко положил пистолет перед собой, одёрнул гимнастёрку и сел. В отличие от лейтенанта он пребывал в прекрасном расположении духа.

– Давай, спрашивай земляка – кто таков, номер части, звание, должность, с каким заданием заброшен в советский тыл. Начинай, телись быстрее!

– Пан капитан спрашивает ваше звание, должность и номер части, – кашлянув, промолвил Андрей по-польски.

– Капрал Витольд Тарашкевич, спецгруппа абвера при 48-м танковом корпусе. Зброшен в расположение русской танковой армии с целью сбора разведывательных сведений. Пшепрашам, друже, больше ничего не скажу, так и передай своему красному начальнику. Тебя, кстати, как зовут? Забыл, сколько лет прошло...

Не отвечая, Андрей торопливо перевёл.

– То есть тебя он вспомнил тоже. Занятно! Ну, побазарь с ним. А потом я спрошу. По-своему.

Широкая капитанская ладонь, загорелая и в чёрных завитках редких волос, погладила рукоять ТТ.

Андрей стащил с головы влажную пилотку. Разбалтывать поляка на откровенность не хотелось абсолютно. Но особист не оставил выбора.

– Анджей меня зовут. Я из Торуньского повята. Приезжал в Новогрудок к родным, там тебя видел. Семью мою убили. К русским от немцев бежал.

– Понятно. А толку от них бежать? Скоро они везде будут. Я не люблю ни немцев, ни твоих красных. Но лучше быть с сильными.

– Даже после Сталинграда?

– После Сталинграда был Харьков, русским ввалили по самые гланды, за Сталинград расплатились сполна и с вершком. Сам подумай, Анджей! Мы начали от Бреста, дошли до Москвы. В прошлом году от Харькова прорвались до Волги и Кавказа. Сейчас ударим от Белгорода, понимаешь? До Урала нас не остановят. Что ты здесь потерял, земляк? Это – не твоя война! Немцы, по крайней мере, цивилизованнее русских. Ценят своих сторонников. Знаешь, сколько поляков и русских в вермахте? В пехоте – чуть ли не каждый пятый. В люфтваффе вообще, считай, половина, наземные службы сплошь из хиви. Что смотришь? Бежим вместе, перейдём линию фронта, у немцев в люди выбьешься! А здесь тебя пристрелит ненароком какой-нибудь слишком подозрительный комиссар. Ты же чужой, из буржуазной страны. Решайся!

На избитом и грязном лице абверовца отразилась непонятная смесь чувств. Может, он знал нечто важное, вселявшее в него надежду. Например, что через считанные дни здесь будет глубокий немецкий тыл. Или пленный напускной бодростью пытался произвести впечатление ради последнего шанса повлиять на земляка. На беду арестанта, капитан и без перевода уловил суть разговора. Даже не зная польского, призыв к бегству, звучащий как «учэкать разэм», трудно не понять. Андрей не стал юлить.

– Агитирует он, товарищ капитан. Говорит – русские для тебя враги, давай убежим вместе, в вермахте меня ждёт награда по заслугам.

– Ежу понятно. По делу чё сказал?

– Готовится наступление, от Белгорода и, пока не устанут гнать красных, до самого Урала.

– До Урала? Силён брехать, этот твой поляк! – Волощенко потёр щетинистый подбородок, недовольно нахмурившись. В бою и в окопе небритая рожа никого не удивит, но офицер в тылу и при штабе обязан выглядеть образцово. – Сроки наступления, направление ударов?

Пленный упрямо склонил голову вперёд, объяснив, что прибыл сюда добывать информацию, а не снабжать ей противника.

– Ясно... Лейтенант, свободен! Позже пооткровенничаем. А этого я... Этого я сам разговору, раз русский понимает. Ща он запоёт. Соловьём! Хоть по-японски, хоть по-китайски.

Торопливо шагая прочь от штаба, Андрей подумал, что к следующей встрече особист готовится основательно – изучит личное дело от корки до корки, а там наверняка есть пометка, что родной брат Миха без вести пропал на Миус-фронте. Сегодня в качестве переводчика лейтенант не сильно был нужен, Волощенко, похоже, устроил импровизированную проверку. Ей дело вряд ли кончится. Как ни смешно, надо молить судьбу, чтобы немцы кинулись в наступление поскорее. Там Смершу будет не до Кревского, да и в бою представиться случай проявить себя, тогда все подозрения отпадут... Но где же ты, Миха? Живой, в плену или...

Младший брат всегда выглядел моложе на год-два, хоть родился в тот же день, минут на двадцать позже Анджея. Оба появились на свет в трудную для Польши пору – после Мировой войны и войны с Красной Россией. Время было голодное и бедное. Приличная семья, отец – артиллерийский вахмистр, когда армию сокращали, он устроился в полицию, мама в гимназии преподавала языки. Поэтому сводили концы с концами, старшие брат и сестра вышли в люди, Войцех по отцовским стопам отправился служить в Войско Польское, Марыля училась на медика... Пока снова не началась война.

Старшие Закревские убыли на фронт, Войцех – со своим уланским полком, отец подал рапорт о зачислении в артиллерию, по старой памяти. Марыля тоже не осталась без дела, на фронте без медиков никак. И потерялись следы всех троих. Не писем, не весточек!

Новогрудок заняла Красная армия. Большевики пришли как освободители, защитники от неизбежной немецкой оккупации, но к зиме начались аресты «белополяков», причём брали

не только собственно поляков, но и евреев, и белорусов – всех, кого сочли эксплуататорами-угнетателями трудового класса в панской Польше.

Люцину Закревскую предупредила соседка, уборщица в местном НКВД, она слышала краем уха разговор, что учительница в арестных списках. Чему удивляться, жена «белого» военного, вдобавок – мать военнослужащего польской армии, оказавшей какое-никакое сопротивление освободителям, ей просто на роду был написан лагерь. Пани Закревская решила не испытывать судьбу, схватила Миху и Андрюху, той же ночью они отправилась на восток, к дальним родственникам мужа в Нижний Новгород, ныне именующийся Горьким. Границу между присоединённой и старой частью Беларуси семья сумела пересечь без проблем, а в Москве стряслась беда.

На жаркой июньской улочке Успенowo Андрей почувствовал озноб, вспоминая ту ночь на Белорусском вокзале. Без документов, с одними только польскими бумагами несуществующего уже государства, они превратились в бродяг. Мама спрятала детей между станционными пакгаузами, а сама отправилась узнавать – как добраться до поездов, следующих в Нижний. Для этого нужно было пересечь весь центр столицы...

Братья тряслись от холода и прижимались друг к дружке, когда слышали частый топот и трель милицейского свистка. Лицо матери буквально на секунду мелькнуло в просвете между стен, едва освещённое тусклыми станционными огнями.

– Сидите тихо! Если схватят, я всё равно вас найду...

Минут через десять издали донёсся звук одиночного выстрела, а потом юноши отогрелись с мороза в жарко натопленной комнате милиции.

Дежурный в это время отчитывал постового, крестьянского вида здорового мужика с винтовкой, только вошедшего в дверь и сипящего от частого дыхания.

– Шмалять-то было зачем, дура стоеросовая?

– Дык в воздух я... Бяжала она... И гоп – пад поезд. Размазала яеусю...

Андрей почувствовал, что внутри него всё снова заledenело и окаменело.

– Матка... – всхлипнул Миха.

– Она ваша мать? – обернулся к пацанам дежурный.

– Не-а... – нашёлся Андрей, с огромным трудом удерживая себя в руках. Он, шестнадцатилетний парень, с оболдуем-братом на руках, только что потерял маму из-за нелепого радения станционного милиционера и остался в этой чужой стране. Без документов, без денег, без друзей и знакомых! Он услышал собственный голос будто со стороны, словно какая-то часть сознания продолжала лгать и спасаться, невзирая на боль. – Хорошая она была. Как мать. Заботилась. Беженцы мы... С Торуня. Немцы наших родителей убили.

– На то они и фашисты, – глубокомысленно изрёк дежурный. Он обернулся к здоровяку. – Что стоишь? Иди уж, ворошиловский стрелок.

Отправив постового с глаз долой, милицейский начальник принялся оформлять бумаги на беспризорников.

– Фамилия?

– Кревский! – Андрей для простоты отбросил две буквы из фамилии. Неровен час, где-то всплывёт, что разыскиваемые в Новогрудке «белополяки» Закревские задержаны в Москве, мама предупреждала о такой возможности и обсуждала с детьми варианты легенды, словно они засланы шпионами во вражеское государство. – Меня Анджеем зовут, Андрей по-русски, брат – Миха.

– Михаил, стало быть, – вывел дежурный. – Документы какие-то остались?

– Не, пан начальник...

– Родители кто были?

– Отец – кучер у пана, мама – швея.

– Пролетарии, значит. Так и запишем.

Миха, глотая слёзы, утвердительно кивнул.

Прикинуться польскими жертвами немецкой агрессии оказалось мудрым ходом, нежели признаться о происхождении из классово чуждой белорусской семьи. Андрей избавился от всего, что могло подставить под сомнение его выдумку, даже заставил Мишу снять нательный православный крестик. Это в Новогрудке православных белорусов много, но в Торуня...

Потом был детский дом, непростые отношения с российской беспредельно жестокой шпаной, когда приходилось защищать и себя, и мягкотелого братца. Удивительно, Андрей довольно быстро приспособился к этой жизни, как и к жизни в Советском Союзе вообще, где людей среди нищеты и разора согревала мысль, что всё это ненадолго, что уже впереди и близко светлое будущее, что надо лишь напрячься – всем вместе.

Ещё он надеялся отыскать следы сестры, брата и отца.

А потом в мечты о будущем бесцеремонно вторглась новая война.

Глава вторая. Воины второго сорта

Тунис, штаб 8-й британской армии. 28 июня 1943 года

Британский штабной уоррент-офицер круглым красным лицом скорее напоминал поляка, чем английского джентльмена. Особенно если щётку усов под носом отрастить до всяческой длины – точно получится старопоместный шляхтич средней руки.

Марыля не ошиблась. Штабист действительно был польского происхождения, причём в самом худшем варианте – из успевших переправиться в Британию задолго до злополучного тридцать девятого года. Подобные ему кичатся своей английскостью больше, чем коренные лондонцы, и считают людьми второго сорта всех за пределами островов, включая англичан, проживающих в колониях.

– Капрал Закревский! Ваша служба в Тунисе закончена. Вы откомандированы в Палестину.

– Да, сэр!

– А вы, мисс...

Прикидывается, что не услышал, когда я представлялась, решила Марыля и терпеливо повторила фамилию, должность, звание, а также про получение медикаментов для армии Андерса.

– Тоже Закревская? Капрал, вы несёте службу с женой? В польских частях воистину удивительные нравы.

– Нет, сэр. Она – моя сестра. А службу несём, где прикажут.

Краснолицый откинулся в кресле под портретом короля, рука коснулась курительной трубки в пепельнице викторианской эпохи. Марыля оценила: рубашка штабиста была безупречно выглажена и своей свежестью бросала вызов тропической жаре, беспощадной, всепроникающей и в отличие от армии Роммеля непобедимой. Брат по соседству с ним выглядел проигрышно, ему совершенно не шли кургузые бриджи, не достающие до высоких трикотажных носков, выпростанных поверх ботинок. Традиционная шапка-рогатывка, сохранённая в память о Войске Польском и сильно полинявшая, никак не сочеталась с британским френчем.

– Что же, служите... где сможете. Пойдёте вторым эшелоном за британскими войсками. Или даже третьим, за канадцами. Греция – это курорт для войны.

Войцех напрягся, но смолчал. Штабной клерк поддевает, что поляки способны биться только в курортных условиях? Что может знать этот лошёный чинуша... Сам небось даже против итальяшек не воевал. Его поле боя – письменный стол с папками, а бумажки не отстреливаются.

– Да, сэр.

Штабист не угомонился. С британскими офицерами особенно не покуражишься, так что мордатый решил до последнего отыграться на капрале-соотечественнике.

– Почему за русских отказались выступить? Уже два года были бы на фронте, а не протирали штаны в Иране.

Удар пришёлся ниже пояса. Даже если бы брат и сестра Закревские примкнули не к Андерсу, а к Берлингу, польская дивизия в Красной армии тоже ещё ни разу не воевала – так писали в армейской газете. Но Войцех и Марыля уже побывали и на фронте, и в плену, и не раз находились на волосок от гибели!

Брат не выдержал.

– А вы, сэр? Где были лично вы и вся британская королевская армия, когда Польша истекала кровью под немецкими и русскими ударами? Объявили войну Гитлеру и пальцем о палец не стукнули, чтобы самим начать воевать! Мастурбировали у камина! – капрал сделал

неприличный жест. – Пока фюрер сам не пришёл на Запад и не скинул всех вас в Ла-Манш как помойных котят!

Штабнюк вскочил, рубашка моментально покрылась мокрыми пятнами, изо рта брызнула пена вперемешку с ругательствами... Как он ещё за пистолет не схватился?

Вопреки опасениям Марыли, инцидент не привёл к аресту и трибуналу. Их утащила парочка могучих сержантов, в чьей компании отсидели час на лавочке в дежурке, после чего смутьянов вызвал старший офицер разведки.

– Приношу извинения за несдержанность коллеги. Вас доставят на аэродром через час. Самолёт сделает промежуточную посадку на Мальте, оттуда полетите в Газу. Медикаменты, карты Греции, разговорники, всё, что у вас по списку, капрал, будет загружено в самолёт. Но у меня есть одна просьба, – лейтенант протянул фотоаппарат «лейка» немецкого образца, популярный по обе стороны фронта. – У нас дефицит разведывательной авиации. Думаю, на одинокий транспортник никто не обратит особого внимания. Экипаж предупреждён, командир заберёт на север, к Сицилии.

– К Сицилии... Но что я должен сделать, сэр?

– Снимайте береговую полосу, скопления войск, укрепления. Если увидите – итальянские корабли. Мы готовим высадку в Греции и обнажаем Средиземноморское побережье Африки напротив Италии. Немцы могут снова захватить плацдарм, выковырять отсюда их будет некому. Я хочу знать – нет ли следов подготовки к десанту. Фотоаппарат вернёте лётчикам.

Когда нагруженная «дакота» взмыла в небо, Войцех поделился с сестрой сомнениями.

– Странное задание... Ты не находишь? Что этой игрушкой наснимаешь? А если снизимся совсем – нас собьёт артиллерия ПВО.

В фюзеляже транспортника сидений не было, Закревские просто развалились на тюках с имуществом для польского корпуса. Марыля, как только поднялись в воздух, сменила неудобную британскую форменную юбку на мужские брюки. Там, в Палестине, ей плевать на мнение английских военных, что дама на фронте – всё равно дама.

– Знаешь, после твоей выходки нам безопаснее над итальянскими зенитками, чем возле этого рассерженного индюка.

– Пшепрашам... Не стерпел. Удавить курву хотелось.

– Что уж теперь делать, отдыхай. Начнётся десант, спать не придётся.

Вежливый лейтенант, снабдивший «лейкой», просто воспитан лучше, чем бывший соотечественник, думала Марыля. На самом деле, все британцы невысокого мнения о любых союзниках, не считая, конечно, американцев, без них война для Великобритании была бы уже давно проиграна. Поляки – бойцы низшего сорта, по мнению англичан, но, наверное, их заблуждения к лучшему. Армию Андерса не кинут в самое пекло, надо надеяться – оставят для второстепенных направлений.

Марыля растянулась на тюках, подоткнув руки под голову, и начала дремать под гул моторов. Мысли кружились в голове сонные, ленивые. Когда-то нужно было причёсываться перед сном, а утром заплести тугие тёмные косы, уложить их в затейливое сооружение на голове... От былой роскоши сохранилась едва четвертина по длине. Невысокая, коренастая, большегрузная, она тщательно следила за своим женским арсеналом. Пусть лицо далеко от стандарта красоты высокородной паненки, слишком круглое, нос не аристократически удлинён, а поддёрнут кверху, есть и неоспоримые преимущества: загадочные серые глаза, пышные волосы, здоровый цвет кожи. Войцех чертами лица похож на неё, но слишком уж грубоват, рябой, переносица сбита набок, у подбородка двойной шрам, застарелый, ещё от детских забав. Лёгкая небридность не скрыла, а наоборот подчеркнула щербины на коже. Несмотря на нестарый возраст, только-только двадцать восемь исполнилось, чёрный ус пробил седина... В советских лагерях пришлось насмотреться всякого. И не только насмотреться, а испытать на себе.

Младшие братья рядом с Войцехом, будто вытесанным из сучковатой колоды, смотрелись херувимчиками, особенно Миха с его нежными пальчиками. Мамин любимчик, которого та оберегала от любых волнений и учила играть на пианино... Анджей рос папиным сыном, часами любил слушать отцовские рассказы про артиллерию, как тот с русскими бил германцев в Мировую войну, а потом с Пилсудским – русских. Анджея с шести лет спрашивали: кем будешь, когда вырастешь, и малец непременно отвечал: артиллеристом, как папа. В десять решал задачки за старший класс гимназии. В шахматы играл со взрослыми наравне. А Миха читал книжечки и снова играл на пианино. И толстел.

Где они сейчас? Ма? Па? Отец сразу помчался в свой старый полк, проситься на войну, невзирая на возраст, и его наверняка взяли – в Польше тогда мобилизовали всех, кого можно, сняли войска с восточной границы... И через границу хлынула Красная армия.

Когда вермахт выдал пленных поляков советскому НКВД, всякая попытка связаться со своими была тщетной. Поэтому, встретив по пути в Иран Войцеха, Марыля вцепилась в него клещом. Он оставался для девушки семьёй, точнее – единственной сохранившейся частью семьи...

В армии женщин мало, в Иран с Андерсом попали считанные единицы. Тут уж низкая или высокая, толстая или стройная, поклонников будет хоть отбавляй. Но Марыля держала себя строго, и польские офицеры относились достойно. Ей запомнилось, как однажды, ещё под Смоленском, один поручик бросился на красноармейца, пытавшегося отделить Марылю от остальных в сарай «для обыска», и пострадал. Его били сапогами, прикладами, пока тот не затаих на земле. Бог воздаст ему...

– Пан капрал! Сицилия по левому борту!

Экипаж тоже был из поляков, служивших в Роял Эйр Форс Великобритании, это при посадке вызвало усмешку брата – что-то нас, из Польши, слишком уж много вдруг собралось в одном месте. Случайно ли?

Второй пилот штурхнул Войцеха, развалившегося у борта.

– Понял! – Тот быстро раскрыл фотоаппарат и взвёл затвор. – Темнеет, пся крив! Как я тут снимать буду...

Что-то затрещало, будто по корпусу снаружи замолотили стальные горошины.

«Дакота» быстро снижалась, но заняться съёмкой не пришлось. Самолёт трянуло взрывом. Марыля со страхом увидела отблески пламени и выглянула в иллюминатор. Правый двигатель охватил пожар!

Транспортник ушёл в глубокий вираж – лётчики явно пытались сбить пламя, когда отчётливо зачихал и левый мотор. Очевидно, где-то есть парашюты, у экипажа – точно. Но высота слишком мала...

– Садимся на воду! Держитесь! – проорал кто-то из пилотской кабины.

Удар о волны получился неизмеримо сильнее, чем колёсами шасси по бетонке аэродрома. Вода захлестнула иллюминаторы – «дакота» нырнула, проскрежетала брюхом по дну, затем всплыла на поверхность. Марыля снова приникла к иллюминатору. Горевший двигатель потух, от него поднимался пар. Через мокрое стекло виднелся берег...

Вечер, который мог завершиться в британской тюрьме за оскорбление офицера, окончился в тюрьме итальянской. Потерпевших крушение подобрал катер. Самолёт затонул, оставив на поверхности лишь кончик киля. У каждого из поляков имелось оружие, но в спасителей никто и не вздумал стрелять. Итальянские моряки отобрали пистолеты у пленных, взамен сразу выдали одеяла. Воздух был тёплый и море тёплое, но человеческое отношение оказалось важнее, оно давало надежду, что итальянский лагерь всё же не покажется таким суровым, как немецкий или советский.

Моряки разделили пленных. Авиаторы остались на побережье. Марыля и Войцех в кузове пятнисто-зелёного «фиата» отправились в горы. Когда их привезли в комендатуру, опу-

стилась ночь. Или, вернее сказать, поднялась. Высокое синее небо почернело и стало воистину бездонным, проколотое тысячами ярчайших звёзд.

– Престо! Престо! – поторопил конвоир, подталкивая брата с сестрой в спину.

Насладиться ночными пейзажами самого благословенного итальянского острова не удалось. А утром предстояли допросы.

Пакино, Сицилия. 29 июня 1943 года

– Бонжорно, синьор и синьорина!

Первый допрос наскоро и без особого давления провёл германский гауптман с нездоровым лицом хронического почечника, уложившись в полчаса, а приветливый итальянец был настроен говорить долго и обстоятельно.

Много раз допрошенные в НКВД, где методы весьма отличались от интеллигентных, Марьяля и Войцех в итальянской контрразведке чувствовали себя замечательно. В открытое окно без решётки задувал ласковый сицилийский ветер, шевелил листья виноградных кустов, щедро обвивших здание комендатуры. Кабинет был просторный, кресла – мягкие, и даже квадратная ряха Муссолини на портрете не портила обстановки почти домашнего уюта.

– Меня зовут Джузеппе Капуана. Ценю вашу откровенность в разговоре с моим германским коллегой, – журчал капитан итальянской армии, демонстрируя неплохой английский. – Вы ведь не британцы, поляки?

– Если это имеет значение – белорусы, – осторожно вставил Войцех. – Из Западной Беларуси, поэтому воевали в Войске Польском, когда рейх и словаки вторглись в тридцать девятом.

Марьяля не надеялась, что офицер в курсе политико-исторических тонкостей, касающихся Беларуси. Для большинства европейцев земли западнее Минска – польские, захваченные Советами и отобранные у них немцами. Детали мало кого волнуют. Капуана тоже не стал в них вникать, продолжая гнуть свою линию.

– Брависсимо, что вы не забываете свои корни. Знаете, синьоры, а у нас гораздо больше общего, чем разделяющего. Посудите сами: армия дуче не завоёвывала Польшу, тем более – её восточную часть. И от кого тамошнее население больше всего видело зла и горя? От германцев? Позволю себе предположить – от русских. Да что я говорю, вы же столько лет томились в плену у красных, всё это почувствовали в полной мере.

– Но сейчас наша земля оккупирована именно рейхом. Вашим главным союзником. С которым сражается Великобритания, наш главный союзник.

Войцех возражал итальянцу, но не пытался спорить, а скорее подбрасывал вязанки хвоста в огонь его красноречия.

– Да, коллега! Вы же из разведки, можно мне так вас называть – коллега? Я скажу откровенно, далеко не все методы нацистов мне по душе. Порой они слишком заносчивы, прямолинейны, смотрят свысока на других, даже на ближайших друзей... Но методы англичан мне нравятся ещё меньше. Вы же знаете, у итальянской армии лучшие в мире пловцы-подводники?

– Слышал... – протянул Войцех, сбитый с толку неожиданным поворотом темы.

– Они обследовали ваш самолёт. И, представьте себе, его поразила не зенитка!

– Но мы же слышали взрывы... Неужели ваше ПВО молчало?

– Господи, ну конечно же не молчало! По низколетящей «дакоте» стреляли все кому не лень. Экипаж катера, что подобрал вас с самолёта, записал его уничтожение на свой счёт. И в крыле ныряльщики в самом деле нашли пулевые дырки. Но упал он по другой причине! В правом моторе было заложено взрывное устройство. Вспомните, вам говорили, что пилот снизится максимально, к самой береговой полосе?

– Так точно, сэр... Ради разведывательной фотосъёмки.

– Я разочарован вашей наивностью, капрал. В чём смысл рисковать самолётом, полным медикаментов и других грузов? Для пары фотографий карманной «лейкой»?

– Да, сэр. Меня тоже это удивило... Но приказы не обсуждаются.

Войцех укрылся за безликой формулой «приказы не обсуждаются» из репертуара тупоголового солдафона, а Марыля с ужасом почувствовала, что итальянец докопался до сути. Вместо того чтобы отдать брата под трибунал, британцы решили пожертвовать ими и польским экипажем ради дезинформации!

– Союзники поступили с вами подло, синьор Закревский. Помогите же мне догадаться, что именно они пытались нам сказать. Прошу вас, расскажите о вчерашнем дне поминутно.

Капрал не стал запертаться, безобразную сцену с польско-британским чинушей передал во всех мерзких подробностях.

– Высадка в Греции давно уже не секрет... – Итальянец откинулся в кресле, закинув ногу на ногу. Узкие усики и удлинённая физиономия придавали ему определённый шарм. Во всяком случае, офицер был вполне во вкусе Марыли. – Думаю, британцы ожидали, что вам удастся спастись. Следовательно, вас допросят, а мои германские товарищи умеют ставить вопросы очень жёстко... И вы утверждаете, что англичане боятся нашего десанта в опустевшем Тунисе? Грация, синьор капрал! Значит, расчёт их прост. Британцы знают, что немцы отправили основные силы в Грецию и на Русский фронт. Но одной итальянской дивизии достаточно, чтоб захватить новый плацдарм в Африке. Потом с этого плацдарма начнётся завоевание Средиземноморья... Заманчиво, дьявол меня задери! Если не считать, что британская разведка сама подкидывает эту идею. Выходит – их флот и авиация наготове, чтобы утопить десант до высадки на тунисском побережье.

Марыля и Войцех переглянулись. Они действительно оказали услугу врагу? Или всё не так, как кажется?

– Сотни тысяч поляков... А также здравомыслящих русских доблестно сражаются в вермахте против большевистской заразы. Итальянская армия в этом плане отстаёт, – офицер заговорщически наклонился вперёд. – На Востоке зреет новое победоносное наступление. У вас, синьор и синьорина, появился шанс окончить войну в стане победителей, но не среди немцев, а среди друзей. Ведь между нами нет никаких счётов, верно? Не тороплю. Подумайте. Распоряжусь подать вам в камеру лучший обед из того, что возможно достать в военное время. Надеюсь, вы согласитесь быть моими гостями, а не пленниками. Чао, синьоры!

Глава третья. Впереди собственного визга

Воронежский фронт. С. Зоринские Дворы, 28 июня 1943 года

Бывает, генералу на войне и выпить не с кем. С подчинёнными не рекомендуется, надо держать дистанцию с теми, кого завтра, если так сложится, придётся распекать на чём свет стоит или отправлять на убой во исполнение спущенного сверху приказа. Случаи выпадают, когда вызывают на совещание в штаб фронта, там в компании других военных с большими звёздами не грех и опрокинуть. Командующий 1-й танковой армией генерал-лейтенант Михаил Катуков не злоупотреблял ни с генералитетом, ни с подчинёнными. Но в тот вечер ситуация сложилась особая. После совещания у командующего Воронежским фронтом Ватутина, особенно после его неожиданных заявлений об активных действиях вопреки всему, что планировала Ставка для обороны к югу от Курска, Катукову нужно было обсудить с самыми доверенными, как крутиться дальше, и сбросить нервное напряжение.

Вокруг грубого деревянного стола, освещённого масляной лампой из артиллерийской гильзы, напротив командарма расселись начальник штаба армии Михаил Шалин и командующий 3-м мехкорпусом Семён Кривошеин. Шалина знали в качестве правой руки Катукова. Кривошеин также был на особом счету, потому что принял «батькин» корпус – 3-й механизированный, которым Катуков прежде командовал, и в нём же состояла знаменитая 1-я гвардейская танковая бригада, её Михаил Ефимович создал с нуля, провёл через бои под Тулой и на Волоколамском шоссе, она первая в бронетанковых войсках получила звание гвардейской... Абы кому «детешек» Катуков не доверил бы, к преемнику относился со строгостью, в аттестациях не баловал похвалами, не то вдруг повысят способного комкора и уберут из армии.

Пользуясь минутой расположения «бати», Кривошеин поинтересовался, попутно уничтожая малосольные огурчики:

– Скажи, Михаил Ефимович, с какой стати тебя Ватутин евреем дразнит?

– А что, Сёма, самому обидно евреем быть?

– Привык, знаешь ли, с детства. Но ты точно еврей, командарм, коль ответил вопросом на вопрос.

Шалин только хмыкнул, налегая больше на сало, чем на водку. Этой некошерной закуской не брезговал и Кривошеин, демонстрируя истинно коммунистическое пренебрежение к иудейским предрассудкам.

Блиндаж у села Зоринские Дворы неподалёку от шоссе Курск-Обоянь служил передовым командным пунктом штаба танковой армии, а после совещания у командующего фронтом – ещё и импровизированной генеральской столовой.

Катуков на правах хозяина налил по чуть-чуть. По поводу еврейства объяснил:

– Ватутин любит пошутить, побалагурить. К месту и без. Вот прицепился к моему отчеству – Ефимович. Говорит, что Ефим – еврейское имя. Отвечаю ему, у русских оно тоже распространённое, старое. Монета ж была такая – ефимок. Ватутин гогочет: ну точно еврей, раз названием монеты человека окрестили. Его в чём-то убедить, коль вбил в голову, совсем невозможно. Давайте ещё по одной. Бери, Семён Моисеевич. Немцы начнут, тогда не сможем посидеть вот так, спокойно.

Что называется, вздрогнули. Катуков ощутил – огненный спиртовой комок провалился от глотки внутрь организма, обещая расслабление взведённым нервам. Шалин достал немецкий штык-нож и всадил остриё в крышку банки с американской консервой.

– С наступлением он тоже вбил в голову? – на этот раз тон Кривошеина был серьёзен.

– Вы же слышали оба... Харьков – это какой-то проклятый город для нас. В сорок первом, осенью, Харьков держали – не отстояли, сколько народу полегло! В сорок втором наступали

на Харьков – катастрофа произошла, натуральная, это после неё немцы рванули к Ростову и дальше, на Волгу и Кавказ. После Сталинграда Ватутину показалось – теперь море по колено. Аккурат у Харькова его и осадили. Твою мать... сейчас ему снова свербит – при первой возможности контратакуем и наступаем на Харьков впереди собственного визга. Помните, Жуков приезжал? Докладывал план Ставки – измотать эшелонированной обороной и только тогда наступать, беречь резервы, не вводить их в бой раньше времени.

– Не один Ватутин решает, – вставил Шалин. – Переход от обороны к наступлению Ставка утверждает. Представитель Ставки у нас – Василевский. Он мужик основательный.

– Основательный... – Кривошеин печально вздохнул. – А Ватутин – хитрый. Я же сколько в Москве ошивался, знаю, как решения принимаются – на основании доклада. Человека командовать фронтом запросто так не поставят, значит, Верховный Ватутину по-прежнему верит, за прежние заслуги ценит. И доложит наш комфронта, что фриц за день-два выдохся, пантеры-фердинанды свои растерял, самое время гнать его в хвост и в гриву, пока не очухался. Ой вей... Ну, Ватутину на месте виднее, скажут в Москве. Давай наступай. Добывай победу. А наступление получится по тем же граблям, что и раньше.

– Сёма, ты пессимист. Гляди на вещи шире. Чтобы хоть заикнуться о наступлении, надо Манштейна остановить. У него три танковых корпуса перед Обоянью, каждый – больше моей танковой армии.

– Ну, Гудериана же ты остановил. – Кривошеин выпил, поэтому набрался смелости подковырнуть командира: – Даже книжку выпустил с гордым названием «Как я бил Гудериана».

– Заткнись, трепло! – не на шутку разозлился Катуков. – Писаки из Главного политуправления её сочинили, больше для поддержания морального духа. Меня, конечно, расспрашивали, записывали...

– Слушали, да не слышали, – поддакнул Шалин. Его плотные крестьянские губы лоснились от жира. Утерев их тряпицей, заменившей носовой платок и салфетку, генерал плеснул спирта Кривошеину, Катукову и себе. Разбавлять «огненную воду» обычной водой считалось не по-мужски.

Командарм чуть успокоился и продолжил:

– Гудериан от самой границы наступал, с боями, с мизером пополнений. От Орла на нас пёрла единственная дивизия, потрёпанная, танков – вряд ли треть осталась. И выбили нас, выдавили корпус Лелюшенко из Мценска, половину моей бригады уничтожили, другую бригаду – подчистую, до последнего танка, их комбриг застрелился. Так что твой друг Гудериан не лыком шит.

– Тоже мне друг... – отмахнулся Кривошеин. Свою историю общения с нацистом он уже сто раз рассказывал и в кругу друзей, и под роспись на протоколе. – Виделись один раз в Бресте, он как во мне еврея учуял, враз морду в сторону отвернул. Гутн таг, герр генерал, а пятерню за спину прячет, чтоб руку не жать. Потом войска встретились – наши входили в город, фрицы убирались прочь. Нас сфотографировали, и орёл из особого отдела мне фотку из немецкой газеты показывает: Гудериан с Кривошеиным вместе принимают парад победителей на улицах покорённого Бреста... Какой, к бениной маме, парад, если даже на снимке видно – войска в походном строю! На параде разве так всё это выглядит?!

– Не отмоешься, Сёма. Но в следующий раз, если друга-Гудериана встретишь, передай ему мою книжку на память. С автографом. – Катуков проигнорировал возмущённые жесты Кривошеина. – Миша, кончай жрать. Убери со стола и прикажи нести карту. Надо кое-чего обмозговать. Сёма, что бы ты предпринял на месте Манштейна?

– Нащупал слабинку в обороне, кинул туда силёнок побольше, пробил дыру и запустил в наши тылы танковые дивизии.

– Двоешник ты, Сёма. Так бы Гудериан поступил. Вспомни Манштейна на Дону. Или раньше, в Крыму. У него почерк какой?

– Бьёт танками как кувалдой, – опередил Шалин, расстилая карту, плотно испещрённую красными и синими значками. – Стремится снести всё перед собой.

– Вот, мой начштаб истину глаголет. Ввинчиваться в оборону бессмысленно. Эшелонированная она. Танки окажутся зажатыми между нашими линиями. Я тоже думаю – ударит в лоб со всей дури, пустит тяжёлую технику впереди. На психику надавит, чтоб мы побежали. А на первую линию Ватутин поставил 6-ю гвардейскую армию, у них танков мало. Да и противотанковой артиллерии не хватает. Пехота, царица полей с противотанковыми ружьями. Чую, наша вторая линия очень быстро вступит в бой.

– Если в лоб, то немец выйдет прямо в меня, – палец Кривошеина уткнулся в карту у деревеньки Яковлево. – Дорога Белгород – Курск и равнина вокруг именно к такому решению его подтолкнёт. Речки, балки, холмы, леса – места вроде как много, но развернуться негде.

– А если выстоишь, Сёма, точнее – когда выстоишь, куда ж тебе деться, фельдмаршал в обход двинется.

– Вот опасное место, заманчивое, но узкое, – опытный в чтении карты Шалин показал на пятно чуть восточнее красного овала, показавшего дислокацию корпуса Кривошеина. – Под Прохоровкой, между железнодорожной станцией и излучиной реки. Если нам с немцами в этом бутылочном горлышке придётся столкнуться, победит тот, кто закрепится в узости. За нашим левым соседом придётся приглядывать. Стоит Манштейну взять Прохоровку, наш левый фланг – голый.

– А Ватутин прикажет наступать, – вернул разговор к началу Кривошеин. – И ведь нельзя не наступать, если соседи двинули. Или у них фланги останутся голые.

– Значит, свяжусь с ними и аккуратно договорюсь бросаться в атаку без лишней спешки, – кивнул Катук. – Иначе – здравствуй, очередной Харьков. А пока, Сёма, вкапывай танки по башню. Гетмана я уже предупредил. Михаил, проверь, как он исполнил.

Андрею Гетману, командовавшему 6-м танковым корпусом, Катук доверял меньше. Ещё один корпус за номером тридцать первым в армии только формировался.

По идее, советский мехкорпус должен противостоять немецкой дивизии, армия – корпусу Панцерваффе, а фронт – армии. Но лишь в теории, на практике так получалось не всегда.

– Закопаемся, дело не хитрое, – палец Кривошеина навис над северным обрезом карты, у Курска. – Жуков уверял, основной удар готовится по Центральному фронту Рокоссовского. Так что здесь ещё цветочки, ягодки у нас за спиной вырастут. Как бы не пришлось воевать с перевёрнутым фронтом.

– Не накарай! – оборвал его Катук. – Всё-таки не сорок первый год и Рокоссовский не лыком шит. Но продумаем и худший вариант...

Белгород, 28 июня 1943 года

Очень похожая карта, только с пометками на немецком языке, лежала на столе перед генерал-фельдмаршалом Эриком фон Манштейном, командующим группой армий Юг. Военный старейшина прусской школы, он бы и не подумал обсуждать с командирами армий или корпусов просчёты вышестоящего командования. Ему сверх всякой меры хватило разговоров с генералом Гейнцом Гудерианом, главным инспектором Панцерваффе, и генералом Вальтером Моделем, командовавшим 9-й армией, ей предстояло нанести удар навстречу войскам Манштейна, захлопнув кольцо окружения двух русских фронтов общей численностью больше миллиона человек.

Разгром Ватутина под Харьковом, ставший мезью Советам за Сталинград, наполнил фюрера и генералитет Верховного командования сухопутных сил (ОКХ) уверенностью, будто германская армия способна перехватить стратегическую инициативу. Начальник штаба ОКХ Курт Цейтлер предложил план, в деталях повторявший тактику окружений лета сорок первого

года, с глубокими охватывающими фланговыми ударами и развитием наступления в глубь русской территории.

Не всем этот план понравился. Гудериан напирал на неготовность новейшей техники к использованию в масштабных действиях, Модель и Клюге вообще ставили под сомнение разумность подобной операции в текущем году. Но генштабисты настаивали. Если бы фон Манштейн знал любимое выражение Катукова, сказал бы – Цейтлер норовит бежать впереди собственного визга. Кейтель поддержал Цейтлера, вдвоём они убедили фюрера, что наступление под Курском обречено на успех. Операцию нарекли «Цитадель».

Она не началась весной, как это предполагалось первоначально, из-за проблем в Африке. 13 мая капитулировали остатки германского Африканского корпуса в Тунисе. При мысли о бездарной потере девяти лучших немецких и итальянских дивизий, почти половины от количества войск, собранных под Белгородом для удара на Курск, генерал-фельдмаршал только разводил руками. В ОКХ давно созрело мнение, что африканский плацдарм не удержать, войска надо вывести... Но Гитлер и Муссолини считали сохранение Африки вопросом политического престижа. Их упрямство обернулось гибелью или пленением более чем сотни тысяч человек!

Фюрер метался в опасении, что англичане и американцы перебросят освободившиеся войска к востоку для высадки на Балканах, где их поддержит местное население. ОКХ оголило Италию, сняв оттуда авиацию и танковые соединения. Даже элитная 1-я танковая дивизия, укомплектованная новейшими «пантерами», отправилась в Грецию, а не под Белгород, как было обещано Манштейну. Только обезопасив Балканы, Гитлер дал санкцию приступить к операции под Курском. Он объявил, что высадка англо-американского десанта на западе Европы произойдёт в сорок четвёртом, не раньше. Значит, в сорок третьем нужно поставить Сталина на колени, заставив подписать мирный договор с уступкой рейху западных территорий России.

Фон Манштейн видел, как фюрера в Берлине осаждали японцы, горевшие желанием выступить посредниками на мирных переговорах с русскими. Глупцы! Им бы не с американцами воевать за острова, а ударить в тыл Красной армии именно сейчас, когда все основные силы большевиков на германском фронте!

Успех наступления на Курск откроет и другие перспективы, весьма интересные для рейха. Фюрер вознамерился внезапным ударом оккупировать Швецию, пока ещё нейтральную и дружественную, затем повторить наступление на Ленинград, если Сталин будет тянуть с уступками. А после разгрома большевиков вернуть дивизии на Запад, усилить группировки в Италии, на Балканах и во Франции, чтобы сама мысль о высадке в Европе не посещала более Рузвельта! Или повторить марш на Кавказ с прорывом к Ирану и далее до Бирмы.

На карту поставлено слишком многое.

Генерал-фельдмаршал прикрыл ладонями лицо, зажмурив усталые немолодые глаза. Это – поза слабости, её можно себе позволить, только когда в кабинете нет больше никого.

На самом деле, слаб не он, а его группа армий. Точнее – недостаточно сильна.

По оценкам немецких специалистов, свежая германская танковая часть имеет возможность вести успешные наступательные действия при численном превосходстве русских в пять раз. Так было в сорок первом и сорок втором. Германский танк ходит в бой не менее одиннадцати раз до списания в безвозвратные потери, у русских, при самом благоприятном для них исходе, два-три раза. К лету срок третьего, если верить американской прессе, Советы имеют убыль живой силы порядка 12–14 миллионов человек, а с учётом смертности гражданского населения от голода и бомбёжек, то гораздо больше. Все крупные стратегически операции последнего года, даже считающиеся успехом красных, сопровождались ужасающими потерями для их стороны, включая Сталинградскую эпопею с окружением Паулюса. Сейчас в группе армий «Юг» девятнадцать дивизий, большинство – моторизованные и танковые, три дивизии стоят в резерве у Харькова. Арифметика на стороне генерал-фельдмаршала, но с учётом реаль-

ных сил русских, накопленных за время досадной паузы из-за укрепления Балкан, преимущество у Манштейна отнюдь не бесспорное.

Есть ещё одно «но».

Что бы с русскими ни происходило, даже если они положат столько же жизней, как под Харьковом, Ростовом, Сталинградом, Ржевом, или будут сдаваться в плен десятками тысяч, как под Киевом и Уманью, откуда-то ещё раз возьмутся новые резервы, новые танки, свои или «шерманы»... А Германия, если не добьётся сокрушительного успеха, не накопит подобных сил раньше, чем через год.

Фон Манштейн нажал кнопку и приказал вошедшему адъютанту:

– Гота и Кемпфа – ко мне.

Когда начнётся наступление, на сложные маневры времени нет. Карандаш в твёрдой маршальской руке прочертил стрелу от места сосредоточения 4-й танковой армии по кратчайшей дороге к Курску. Карандашный след пролёг через Яковлево и позиции 1-й гвардейской танковой бригады, где готовил свой танк и экипаж к грядущим боям Андрей Кривский...

Глава четвёртая. Не заслуживающий доверия

Воронежский фронт, 30 июня 1943 года

Свою «тридцатьчетвёрку» он назвал «Марусей». Имя «Марыля» в честь сестры звучало бы слишком не по-русски, поэтому Андрей подобрал самое близкое.

Лейтенант потерял танк до начала боёв, совершенно незаслуженно, заодно утратив остатки иллюзий о какой-то справедливости в этом мире.

Из танковых училищ молодых лейтенантов выпускали заведомо безлошадными. Танки гибли десятками тысяч, их постоянно не хватало. Как и всего. Как и рабочих рук в уральском Танкограде. Потому экипажи отправляли в Нижний Тагил или в Челябинск самим собирать боевую технику.

В этом, конечно, присутствовал несомненный плюс. Не только механик-водитель, у Андрея – пожилой сержант Семёныч, но и все остальные танкисты знали магчасть изнутри.

Был и минус. Сборка танка, даже столь нехитрого по конструкции, как Т-34, дело специфическое. Экипажи учились этой премудрости на своём единственном танке, на своих ошибках. А когда заканчивали учёбу, закрутив последние болты новорождённого бронированного товарища, эти навыки уже не были нужны. По крайней мере, до получения следующего танка взамен сгоревшего, если тот не превратился в могилу на четверых.

В других армиях мира ничего подобного не практиковалось. Всё же сапоги должен тачать сапожник, пироги печь пирожник.

Качество изготовления танков хромало на все четыре ноги. Не только конечная сборка велась с ошибками, узлы и агрегаты также поставлялись с браком. Квалифицированные рабочие были призваны на фронт, условия на Урале оставались чрезвычайно спартанскими, у станков трудились женщины и дети, физически не способные к непомерной нагрузке. Дефицит любых материалов, постоянная штурмовщина: давай-давай, фронту нужны танки...

Урал давал Красной армии те самые «тридцатьчетвёрки», что зимой с сорокового на сорок первый год были признаны негодными для боевого применения, но надвигающаяся война заставила отложить модернизацию. К сорок третьему году танк изменился минимально. Башня у «Маруси» по сравнению с первыми Т-34 стала чуть просторнее и с двумя люками, более удобными, чем один на двоих. За характерный «ушастый» вид люков в поднятом положении немцы прозвали русский танк «Микки-Маусом».

В училище Андрея и Миху первоначально готовили для службы на британском танке «Матильда Mk2». По сравнению с «тридцатьчетвёркой» у «Матильды» присутствовало больше недостатков, чем достоинств, а о преимуществах буржуазной иностранки настоятельно советовали не распространяться. И уж совсем считалось антисоветской пропагандой хоть слово хвалебное обронить про вражескую технику.

Отличие от «шермана» или KV в Т-34 командир экипажа трудился ещё и наводчиком орудия, а командир взвода, роты, батальона вдобавок должен был управлять в бою своим подразделением, зачастую имея лишь приёмник для получения указаний из бригады, экипажам линейных танков приказы отдавались примерно как в коннице Чингисхана – взмахом руки. Для этого приходилось высунуться из башни, рискуя схлопотать пулю. Линейные танки или вообще не имели раций, или те быстро выходили из строя. Конечно, иногда фортуна позволяла добыть рацию от «валентайна». Или выкрутить с немецкого танка, если получалось оживить её да перестроить на советские частоты.

Из-за радиостанции Андрей и расстался с «Марусей». Точнее, её рация марки 9-Р послужила поводом для изъятия.

Сначала до слуха донёлся рапорт командира взвода, отчитывающегося кому-то вышестоящему, что «личный состав занят обслуживанием матчасти».

– Где ваше юное пополнение? – раздался неприятно знакомый голос.

Вчерашняя встреча с особистом не выветрилась из памяти, а он тут как тут – в сосновом лесочке неподалёку близ Яковлево, где танки ждали своего часа, укутанные от разведчиков люфтваффе маскировочными сетками. День был ясный, солнечный и очень даже лётный.

Экипаж копался в боевой машине. Если относиться к службе на совесть, в танке всегда есть работа: проверить регулировку тяг фрикциона, натяжение гусениц, хомуты на трубопроводах... Дело найдётся у каждого. Но контрразведчик не постеснялся вмешаться.

Он прибыл в сопровождении батальонного замполита. Естественно, вояж по расположению не обошёлся без комбата Вовченко.

Андрей вытянулся по стойке «смирно» и бросил замасленную ладонь к шлемофону.

– Витаю, пан военный! – с нехорошей улыбкой поздоровался капитан, ядовитым тоном выделив польское приветствие, и обернулся к Вовченко: – Интересно всё складывается. 1-й батальон 1-й гвардейской танковой бригады, самой образцовой и героической в 1-й танковой армии, получает такое странное пополнение накануне боёв. Знаю! Не вы решали, а кадровики, им зачтётся. Но вы-то куда смотрели? Давно Кревский у вас?

– Десять дней, товарищ капитан, – откликнулся Вовченко, стараясь неприметно запихнуть под портупею неуставной животик. – Службу несёт, замечаний не имеет.

– Конечно! Пока бои не начались, он – образцовый офицер. – Сегодня особист щеголял идеально выскобленной физиономией, через ароматы солярки и дизельного выхлопа до Андрея донёлся запах одеколона, жидкости на фронте крайне редкой. – А в бою? Уверены, что в затылок не выстрелит? Где ваша партийная бдительность, товарищ замполит? Это не стенгазетки рисовать!

Особист перегнул палку. Титков был не только политработником из категории «рот закрыл – рабочее место убрано», сочинителем партхарактеристик и агитплакатов, но, в первую очередь, командиром танка, прошёл Харьков, Сталинград, Калининский фронт. Тем более – в любимой «батькиной» бригаде. Поэтому не оробел.

– Слушай, капитан... Как тебя там... Полощенко? Если есть что сказать по делу – говори. Или не мешайся под ногами. Нам в бой идти, а не писульки пописывать.

Волощенко с ухмылкой глянул на Титкова, мол, не понимаешь, морда, с кем разговариваешь, я тебе в любой миг башку откручу! Потом вывалил весь список подозрений в отношении Кревского: рождение в капиталистической стране, брат пропал без вести, как пить дать – к немцам перебежал.

– С такой биографией и в штрафбат не примут. Как же ты в танковое умудрился попасть?

– Почему умудрился? – не понял Андрей. – Запросто. Я – детдомовский, сирота. Секретарь комсомольской ячейки. Написал заявление в пехотное училище имени Калинина. Училище эвакуировали в Ульяновск и преобразовали в танковое. Как лучшего курсанта меня оставили на год инструктором, брата отправили на фронт. Что с ним – не знаю, товарищи офицеры. Говорить за себя не хочу, после первого боя видно будет, чего стою.

Он мог ещё добавить, что товарищ Сталин тоже родился в капиталистической стране – царской России, но хорошо усвоил, что иногда лучше промолчать.

– Ну-ну, – протянул Волощенко. – Складно поёшь, польский пан. Арестовать пока не имею оснований... До поры. А вам, товарищи офицеры, я бы вот что рекомендовал. Вижу, танк у него с антенной. Рация хорошо работает? А у комбрига вашего, я утром слышал, танк сломался. Чутьё мне подсказывает, командир бригады на хорошем танке важнее, чем хрен с бугра, да ещё непонятого происхождения.

Особист сорвал еловую веточку и удалился, непринуждённо хлопая ей по голенищу сапога.

- Насрал в душу и свалил, – огрызнулся Вовченко. – Что скажешь, замполит?
– То и скажу. Подставил он нас. Придётся, лейтенант, передать твою машинку комбригу.

Иначе... сам понимаешь.

- Понимаю, товарищ гвардии капитан. Несправедливо это!
– Ладно, пошли к Горелову. У него голова на плечах, что-нибудь придумает.

Вовченко кивнул в знак одобрения и отвернулся. Быть соучастником подлости – отбирать у офицера танк перед первым боем – ему не доставляло радости.

КП бригады располагался у опушки в сотне метров от расположения батальона и представлял собой несколько блиндажей, укрытых землёй и дёрном, в сторону юга глядели бойницы двух дзотов. Комбриг Горелов сидел на пеньке и курил, ссутулившись. В суете последних приготовлений он едва выкроил пару минут отдыха, нарушенных пришествием офицеров первого батальона.

– Зашибись, твою ж налево... – только и вымолвил полковник после доклада Титкова. – Сейчас побежит строчить донос на верх, что мы контру пригрели и покрываем... Готовься, замполит, к новому пополнению, будет в батальоне ещё один подозрительный, тот вообще из Кабардино-Балкарии.

- Опять к нам? Мало мне этого...

– Что значит «этого»? Отставить, товарищ гвардии капитан. Видишь – парень в бой рвётся, чернее тучи стоит, что его танка лишают. По службе нарушения есть? Ну и не жалуйся. В 1-ю гвардейскую говнюка не пошлют.

Как бы успокоительно ни звучала речь комбрига, Андрей уяснил главное – с «Марусей» можно прощаться.

– Товарищ гвардии полковник! – взмолился он. – Разрешите обратиться к командиру корпуса! Может, в корпусном резерве исправная машина найдётся. Все говорят – немец вот-вот вдарит!

Горелов усмехнулся, капитан покачал головой с недвусмысленным выражением на лице: «какой же ты зелёный и наивный».

– Кривошеин пошлёт нас подальше, – снизошёл до разъяснений командир бригады. – Титков, ты помнишь его первое явление народу, в феврале? Требовательность показывал. Минус двадцать пять на улице, а он: всему личному составу выйти на физподготовку, сапоги, штаны, гимнастёрка, бегом – марш. У него принцип: свои проблемы решайте сами. А ремонт одного танка – это вопрос батальона, даже не бригады. – Горелов встал, показывая, что разговор, как и его перекур, закончен. – Не кисни, гвардии лейтенант. На твой век войны хватит – полной ложкой не вычерпаешь. Дам своего мехвода в помощь. Новые моторы зампотех к вечеру ждёт. Перекинете – и покатаешься на моей «двадцатке», она ни разу не подвела.

Удручённый, Закревский вернулся в батальон и первым делом снял экипаж с обслуживания танка. «Маруся» и так блесит, как у кота хозяйство, нет смысла лизать, если её всё равно заберут.

От того, что командир не смог отстоять машину, любовно собранную и выпестованную, а взамен согласился на убитое рожно с двигателем после капиталки, авторитет Андрея у трёх подчинённых упал ниже низшего.

В танковых войсках отношения в экипаже очень сильно разнятся от отношений, скажем, в стрелковых частях у рядовых и командира взвода, такого же свежеиспечённого лейтенанта. Пехотный офицер бежит впереди, но сам практически не воюет, направляя своих солдат, и смерть у воинов «царицы полей» индивидуальная – кого найдут пуля и осколок. В танке командир – главный боец, от точности и быстроты его стрельбы зависит выживание всех. А не повезло – погибать всем вместе, особенно если не успели выбраться до детонации боеприпасов, «тридцатьчетвёрка» тогда превращается в стальную могилу: два обугленных тела в корпусе, два в сорванной и валяющейся рядом башне...

Правда, у мехвода шансов выжить больше, сидит он низко, снаряд чаще пробивает башню. Механик Кревского, пожилой тракторист с Владимирщины, откровенно сказал командиру: двух лейтенантов я уже пережил, коль Бог положит – переживу и тебя, не обессудь.

А главный смертник в Т-34 – стрелок-радист. У него даже люка нет, покидает горящую машину вслед за мехводом или через башню за командиром и заряжающим. Если успеет... Бывало, правда, что другие гибнут, у него ни царапины, но лишь только в этот раз, в следующем бою предстоит новая лотерея.

Главная задача у стрелка-радиста – не стрельба, есть ещё башенный пулемёт, он главный. И не работа на рации, даже если та исправна. Стрелок помогает мехводу в четыре руки включить передачу, одному это практически невозможно, особенно в движении. Такая вот приспособа мощностью в одну человеческую силу к коробке передач!

К вечеру никаких двигателей бригада не получила. Обшарпанная гореловская «двадцатка» заняла место в батальоне. Со снятыми броневыми листами от башни до кормы, она выглядела потёртой публичной девкой, загодя раздевшийся перед неторопливым клиентом. Андрей приказал укрыть танк брезентом и двинулся к офицерам роты, в землянку.

Про подкат особиста к новенькому слышали уже все.

– Не дрейфь, молодой! – пробасил взводный. – Танк с барского плеча комбрига – не самое худшее на фронте. Счастливый он. Видел, сколько отметин? А в нём даже не ранен никто.

– Если он простоит здесь месяц в ремонте, то и правда – раненых не будет, – грустно отшутился «безлошадный». – Вы не понимаете. Брата отправили на фронт, а меня ещё год в училище муржили... Рассказывали, что без танка бой не кончается, что случай был в сорок первом, когда командир подбитой «бэтэхи» выскочил с топором, открыл люк панцера и немцам обушком прямо по шлемам – одному-другому...

– Брехня! – безапелляционно бросил Шалин, старший лейтенант с непривычным для русского именем «Вольдемар». – Нет у немцев танкистских шлемов. У них броня изнутри мягким обтянута. В пилотках они катаются, точь-в-точь как в авто.

– Если бы так просто всё было, давно бы фрицев погнали на запад обушком топора. Топоров много, людей – тоже, – добавил Володя Бочковский, командир роты. – Пока сам в бою не побываешь, а тем более – в танке красного петуха не поймашь, тебя запросто сказкой купить. Потом как заново родишься, глаза откроются.

– И что танкисты друг на дружку кидаются, тоже брехня, – добавил взводный, у него на испещрённом ожоговыми шрамами лице так и не выросли ресницы. – Помню, этой зимой на Калининском у меня движок вспыхнул. Дым густой, сугробы вокруг, метель... Выскакиваем, пытаемся тушить. Воды нет, снегом не особо погасишь. Ветер налетел, значит, глядим – а в полусотне шагов немец дымится, экипаж вокруг бегают, тушит. Ну, думаю, сейчас из пулемёта полоснёт – всем хана. Тут один фриц, смотрю, нам машет. Потом руки над головой скрестил, мол, не стреляйте, мы тоже не будем. Как потушились – завелись, разъехались.

– Я б шамльнул на прощанье в след, – кровожадно заявил Андрей. – В корму.

– Не, я не стрелял. Они – тоже. С-суки, конечно, эти фашисты... А, в общем, такие же танкисты, как мы с тобой. Поэтому рука не поднялась. Их наша пехота в плен не берёт. Форма чёрная, как у эсэсов. Без разговоров – к стенке.

– Там, на Калининском, – вспомнил Бочковский, – голодно было. Нам с самолётов харч сбрасывали. Раз кухню натопили, наши стоят из батальона, гляжу – за ними два фрица пристроились в очередь. С котелками. Повар им плеснул. Немного, конечно. Но с мясом. А наши понахалке за линию фронта сходили, им только каши с маргарином отвалили, мяса зажали. Голод – он по обе стороны голод.

Андрей даже есть перестал. В это невозможно было поверить! Сколько лет он слушал о непримиримости, о ненависти к врагу... И в лучшей танковой бригаде Красной армии с врагом меняются едой?! Вместе тушат загоревшиеся танки? Больше он не вставлял ни слова,

просто слушал. И наговорено было столько, что, услышь особист Волощенко их застольный трёп, кричал бы про антисоветский заговор в роте!

В унисон его мыслям взвился осетин Байцаев.

– Пусть бы и дошли от голода! Я бы их там пришил, прямо возле котла, мамой клянусь! А падаль собакам скормил. Заладили ещё – такие же танкисты... Читали, что они в Краснодаре творили? До Берлина дойдём, я даже их младенцев кончать буду. За ножки и башкой об стенку – раз, и чтоб мозги брызнули! Чтоб из такого младенчика новый хайль Гитлер не вырос!

– Тогда будешь сам не лучше фрица, – одёрнул его Бочковский. – И кто-то возьмёт твоих детей за ножки...

– Не будет у меня детей! – У танкиста затряслись губы и кулаки. – Убили, гады, мою невесту! Всю её семью! Одной бомбой в дом – всех... А я ей клятву давал – только к ней вернусь! Теперь некуда возвращаться! Поэтому меня даже трибунал не удержит. Воевать буду с ними до последнего живого немца. Под корень гнилую породу выведу! А погибну – другие найдутся...

На минуту повисло молчание. Байцаеву возразить было нечем. И поддержать его никто не хотел. Потом взводный заговорил на другую тему.

– Про «тигров» видели плакат? Не верю, что их много будет. Так же как у нас КВ. А вот их «четвёрки» меня тревожат. Я одну облазил, сгоревшую. К броне болтами дополнительные листы прикрутили. Пушка длинная, не то, что в сорок втором.

– Только бы дожди не пошли. Сухость нам на руку. В пылище, когда шагов на тридцать ни черта не видать, главное, кто шустрее и наглее, – добавил Бочковский.

Постепенно Андрей постигал премудрости, которым в училище не научат и в учебниках не напишут. Нужно, оказывается, сломать стопор разъёма от шлема, чтоб, покидая горящий танк, командир не тратил лишнюю секунду, отсоединяя кабель. Всегда дублировать важнейшие команды мехводу ударом сапога в плечи и спину. При частой стрельбе не закрывать люк и приказать заряжающему тотчас выбрасывать стреляные гильзы, иначе задохнёшься. Скомандовав «короткая», считать до трёх – танк трижды клюнет вперёд на пружинах подвески и только тогда замрёт на миг, достаточный, чтобы произвести выстрел, а мехвод обязан без команды сразу рвать с места вперёд и в бок. И что прямо в бою стоит ехать метров тридцать, не более, потом резко поворачивать, сбивая прицел вражескому наводчику.

– Если попали в корпус, в лоб, первый снаряд обычно много беды не натворит. В худшем случае ранит кого-то осколками брони. Но учти, обломки баки проткнут. Они по бортам... – учил его ротный.

– Знаю, – прервал Андрей. – Сам свой танк собирал.

Снова взгрустнулось, заныла больная мозоль.

– Молодец, знаток. Теперь запоминай – если хоть один бак пробит, солярка льётся внутрь. И вот следующий снаряд её непременно подпалит. Тогда всё, тикай, сверкая пятками, пока не долбануло.

– А тушить?

– Если внутри боевого сильно горит – не потушишь. Скорей всего, сам отправишься в полёт вместе с башней, – оптимистично объяснил Бочковский. – Солярку труднее зажечь, но и тухнуть она не хочет, зараза. Поэтому старайся выработать топливо из передних баков.

– Как повезёт... – протянул один из ветеранов. – Ещё на Волоколамке было. Мне в борт угодило, точно в полный бак. И ничего. Только душ из солярки по ногам. А «тридцатьчетвёрка» другая стояла, её тоже в борт. У неё бак взорвался, не загорелся. Стало быть – пустой был. Борт вырвало, люки изнутри выбило... Я внутрь заглянул к мехводу, его размазало по левой стенке. Так и осталась эта каша, потом замёрзла... Наверное, экипаж похоронят, когда танк на переплавку пойдёт.

– Зато быстро и без мучений, – подвёл черту Бочковский. – Меня когда в прошлом году подбили, думал – всё, хана. Снизу огонь, комбез горит, ноги нет, второй ногой пихаюсь, а люк открыть не могу – заело...

И после госпиталя, где его раздробленную ногу сложили буквально из кусков, ротный сохранил небольшую хромоту.

Возвращаясь к себе в землянку, Андрей ощущал тревожное чувство. В училище танковая служба на фронте рисовалась совсем не так. И ведь старожилы бригады не старались его напугать! Просто передавали опыт, накопленный дорогой ценой.

Но решимости участвовать в бою у него не убавилось. Чувствовал какой-то фатализм, будто где-то наверху загодя решено, жить ему до победы или погибнуть. А уж если помирать, то уж лучше так – в мгновенной вспышке взрыва, чем испечься заживо, запертым в бронированной скорлупе, или от глупого осколка в тылу.

«Не раскисать, товарищ гвардии лейтенант!» – скомандовал он сам себе и прибавил шаг.

Глава пятая. На островах

Пакино, Сицилия. 30 июня 1943 года

– Зачем ты подыгрываешь итальянцу? Войну они проигрывают. Отсидим несколько месяцев в их лагере, после «курортов» большевиков там наверняка сносные условия. А переходить на их сторону, брат... Тем более потом попасть под трибунал за измену – не вариант. Что молчишь?

Войцех перевернулся на койке, устроившись поудобнее, это получилось без труда.

Итальянцы любят комфорт. Даже камера при комендатуре в Пакино уютнее, чем казармы в армии Андерса. Тюфяки и подушки мягкие, еда вполне приличная. На прогулку вечером их вывели и, похоже, забыли о пленниках на добрый час. Солдаты болтали, курили, оставив винтовки в сторону. Потом один достал бутылку, оплетенную лозой, её пустили по кругу, Марыле и Войцеху досталось наравне с хозяевами. Вино было кислым и слабым.

– Нужно бежать, сестра. Нас и так мало сторожат. Согласимся на сотрудничество – получим полную свободу. Но мало свалить от наших часовых. Они так обленились, что даже вслед стрелять не сподобятся, я думаю. А куда дальше деться? Нужна лодка – плыть к Мальте. Там масса английских кораблей, подберут.

– Если раньше не подберут итальянские катера.

– Вот! Торопиться нельзя. Жаль, к греческому десанту опоздаем точно.

Лязгнул засов. Итальянский военный забрал миски и кружки после завтрака. Другой жестами показал, что с ним должна пойти одна только синьорина. Войцех принялся протестовать, но тщетно. Марыля шепнула:

– Всё в порядке. Справлюсь. Не делай глупостей.

Синьор Капуана с утра сиял, как начищенная бляха на солдатском ремне. Точнее – на офицерском, благородное чело над аристократически изогнутыми бровями не могло принадлежать к плебейскому сословию, а нежные морщинки, перечеркнувшие его по горизонтали, наверняка были вызваны мыслями о высоком.

В присутствии дамы он учтиво встал, потом предложил разделить завтрак, не слушая протестов, что Марыля не голодна.

– Мы сегодня продолжим разговор, синьорина. Но перед этим... – итальянец немного смутился. – Перед этим я попросил бы вас принять ванну и переодеться. Я хочу, чтобы вы чувствовали себя скорее моей гостьей, а не пленницей... И не подумайте дурного! Злоупотреблять гостеприимством – низко, я никогда себе такого не позволю.

– Кстати, сколько вам лет, синьор Капуана? – вдруг спросила названная гостьей.

– Тридцать три... Возраст Христа. Но, надеюсь, мне не придётся взойти на Голгофу.

Марыля чуть улыбнулась, давая понять, что оценила шутку.

– И у вас отсутствует обручальное кольцо.

Он смутился.

– Женщины всегда замечают такие вещи... Да, не сложилось. Был помолвлен, чего скрывать, но меня отправили в Абиссинию. Она не дождалась, предпочла гауптмана из люфтваффе. Девушка из хорошей, старой сицилийской семьи... В прошлые времена такое считалось бы фамильным оскорблением, каралось бы кровной мстью!

– А сейчас?

– Мы же современные люди! – развёл руками капитан. – Посудите сами, синьорина, с возможностями военной контрразведки я мог бы известить всю её семью. Но уничтожить ни в чём не повинных людей из-за пустоголовости одной их родственницы не входит в мои намерения.

– Проявить христианское милосердие порой стоит больших душевных сил, чем месть.

Вдыхая аромат настоящего кофе, наверное, впервые столь качественного после довоенных лет, Марья была просто обязана сказать итальянцу что-то ободряющее.

– Думаю, вы правы, синьорина, так как я до сих пор расплачиваюсь за мягкосердечие. Кое-кто на Сицилии считает меня тряпкой, не мужчиной.

– Будь я в числе ваших сицилийских знакомых, никогда бы не сказала ни полслова в порицание. Вы уважаете выбор женщины: если она предпочла другого, не стоит применять силу, даже если общественное мнение не освободилось от предрассудков. Скажите, синьор капитан, а к тому герою из люфтваффе вы что испытываете?

– Не самые лучшие чувства. Но никто нас и не заставляет любить ни его, ни других союзников. Вы же понимаете, союзы – это политика, а любовь... Это – любовь.

Тёмно-карие глаза итальянского офицера, влажные, как у любого южанина, смотрели с иронией и как-то по-особенному проникновенно. Прекрасно понимая, кто перед ней, Марья тем не менее почувствовала волнение. Намёки, томные взгляды... Неужели тот набивается на роман? Во «внезапно вспыхнувшую страсть» не верится. Хотя... Для неё он точно не замаран нежеланием вершить вендетту в семействе ветреной невесты, если та история – не выдумка.

Кофе закончился.

– Предложение вымыться действительно меня подкупило. В армии с этим не всегда регулярно, а моё последнее купание было в море – после крушения самолёта. Вы не передумали?

– Отнюдь, синьорина. Я сейчас вызову адъютанта, он вас проводит, предоставит всё необходимое.

– А брат...

– Он – мужчина, потерпит! – офицер улыбнулся. – Вы даже в баню не ходите без брата? Он вас и там оберегает?

– Мы были разлучены до эвакуации в Иран. Оберегать девичью честь приходилось самой. – Марья встала. – Где ваш денщик?

Фразу про честь она вставила умышленно. Если Капуана рассчитывает на лёгкую победу над развращённой медичкой из польской армии, утратившей стеснительность в лагерях, то пусть не ждёт настужь открытой двери. Впрочем, неизвестно, что у итальянца на уме. Быть может, аристократизм у него напускной. Если маневры не принесут успеха, запросто спустит с цепи внутреннего зверя!

Адъютант также вёл себя учтиво, без игривых намёков, предоставив пленницу попечению немолодой итальянки в тёмном длиннополном платье и с чёрным траурным платком на голове. Попытка разговорить её ни к чему не привела – она по-английски не знала ни слова. После ванной женщина принесла Марье платье столь же свободного и объёмного кроя, но ярко-синее с белой оторочкой на вороте и рукавах, синюю косынку в тон и открытые сандалии.

В зеркале у входа в помывочную комендатуры Марья едва себя узнала. Руки медленно повязали платок на волосах, за годы войны привыкшие к пилотке либо вообще оставаться неприкрытыми, но не к платку.

– Синьорина белле! – одобрительно заметила сицилийка и сопровождала её обратно в контрразведку.

– Белиссимо! – подтвердил Капуана, едва Марья вернулась в его кабинет. – Нас поджидает конный экипаж. Конечно, Пакино – не Рим и даже не Палермо, но я надеюсь, вы получите удовольствие от нашего вояжа.

– А мой брат?

– Если вы не будете против, он составит нам компанию как-нибудь в другой раз. Не откажите мне в удовольствии побыть с вами наедине.

Войцех изнервничался до вечера, пока Марыля не вернулась в камеру с узелком в руках, где была свернута английская форма и грубые солдатские башмаки.

– Матка боска... Это он тебя так вырядил?

– Не нравится? А мне хорошо. Впервые с тридцать девятого чувствую себя девушкой, а не военфельдшером без пола. Кстати, тебе презент.

Сицилийцы с неприязнью относятся к немцам, в том числе, кроме всего прочего, из-за реквизиции продовольствия на нужды вермахта. Арийским союзникам здесь дали кличку, в переводе с местного жаргона означающую «съевшие наших кур». Тем не менее капитан привёз Марылю в маленький открытый ресторанчик, где лишения военного времени практически не ощущались. Он располагался на террасе в предгорье, откуда открывался живописный вид на городок и долину. Полотняный тент укрыл от прямых палящих лучей солнца. Еды было столько, что девушка, дважды завтракавшая в это утро, не осилила и половины, упробавив завернуть излишки в салфетку для брата – пакет вышел объёмистым.

– Ешь, узник замка Иф... И слушай. Капуана, конечно, рассыпается в комплиментах «прекрасной синьорине» и, думаю, не лжёт, здесь такие плотненькие, как я, считаются эталоном красоты. Сицилийки воспитаны в строгости, но, быть может, это только первое впечатление, дома показывают себя во всю ширь натуры...

– Не отвлекайся! – перебил её брат, обсасывая баранью косточку. – Так что наш итальянец?

– Задумал очень непростую игру. Он, кстати, сердится, если его назвать итальянцем. Говорит – я сицилиец. А однажды он видел, как парень из Флоренции ударил кого-то из Рима, заявив – я флорентиец, а не итальянец. В общем, сицилийцы от войны устали. Видел бы ты, сколько молодых женщин в чёрных платках... А другие не знают, надевать ли чёрное – мужья, отцы или братья пропали без вести. В британском плену или лежат в песках Туниса. Бог один знает, где они сейчас. Обвиняют Муссолини, но больше Гитлера. Много погибло в России, на Волге. Поэтому Капуана не верит, что в случае высадки в Сицилии местные будут воевать против союзного десанта. Немцы, конечно, будут драться до последнего, на то они и немцы, но их здесь всего три дивизии, не из лучших...

– Но десант будет на Балканах!

– Наш капитан в этом не уверен. Пока немцы воюют на Восточном фронте с русскими, у них нет сил закрыть всё побережье. Союзники запросто захватят, к примеру, Сардинию.

Войцех утвердительно кивнул. Чем меньше остров – тем проще его забрать. В середине июня десант высадился на Пантеллерию, он расположен между Мальтой и Тунисом. Итальянский семитысячный гарнизон моментально сложил оружие, не оказав сопротивления.

– ...В общем, Капуана не исключает любого развития событий и подстилает соломку везде. Говорит уклончиво, намёками, цветастыми эпитетами, мол, всё ради ваших прекрасных глаз, ничего конкретного... Но по отдельным его репликам догадываюсь, у него созрела идея перевербовать тебя и забросить обратно к англичанам, тем самым заслужить расположение у начальства и у немцев, если они победят в войне. На случай поражения и особенно десанта союзников на Сицилию он оставляет меня здесь как аргумент: глядите, как заботился о британской военнослужащей, пылинки сдувал... Я также послужу гарантом твоего правильного поведения в английской и польской армии. Ешь! Нам нужны силы и ясная голова, чтоб не ошибиться.

Слова сестры никак не прибавили Войцеку аппетита. После событий этого дня их положение выглядело гораздо хуже, чем в самом начале плена. Тогда им светил заурядный лагерь, теперь же офицер разведки (или контрразведки – поди разбери их структуру) затеял рискованную игру, ставки в которой – жизнь или смерть обоих Закревских.

Сначала мягко, а потом всё твёрже он начнёт их прессовать, не выпуская из Пакино.

В случае если Войцех не оправдает себя как итальянский агент в британском тылу, Капуана вынужден будет отдать Марылю на съедение своему начальству. Кроме того, она – свидетель его нелояльных речей и слишком уж предусмотрительных поступков в преддверии наступления союзников, а нежелательные свидетели долго не живут.

– Что бы мы ни решили, надо держаться вместе, сестра. А до поры – тянуть время.

Мальта, Валетта. 1 июля 1943 года

В полутора километрах южнее Пакино, на главном «непотопляемом авианосце» Великобритании в Средиземном море по имени Мальта, генерал Монтгомери получил отчёт разведуправления о мерах по дезинформации противника. Крушение «дакоты» у Сицилии подтверждено, самолёт упал на отмели, итальянцы наверняка знают характер груза, предназначенного для высадки в Греции. Ещё раньше с трупом офицера к противнику была переправлена карта с подробным указанием ложных мест десантирования.

Штаб Монтгомери находился в бронированном подземном бункере близ Валетты. Союзная авиация проутюжила все сицилийские аэродромы противника, но какой-то шанс налёта люфтваффе или итальянских самолётов всё же сохранялся, генерал предпочитал не рисковать. В этой войне противнику лучше не давать дополнительных шансов.

Яичница с беконом и гренками остыла недоеденной, не дождавшись окончания стратегических раздумий, от которых командующего 8-й армией отвлек доклад адъютанта.

– Приземлился самолёт генерала Эйзенхауэра, сэр!

– Я встречу его, Вилли. Подайте фуражку. И распорядитесь, чтобы нас не тревожили.

Утренний звонок американского командующего, предупредившего, что он намерен беседовать с глазу на глаз, без своего заместителя Александра, ответственного за высадку в Сицилии с американской стороны, насторожил. Какие подводные течения в лагере союзников обладают на этот раз?

В бункере американец стащил с головы пилотку и перед зеркальцем пригладил остатки волос. Они отступали от лба к затылку как Роммель от Эль-Аламейна, проигрывая битву за череп военачальника.

– Вы без Александра? – осторожно напомнил Монтгомери.

– Да! И даже без вашего премьера, привязчивого как липучка. Вы удивлены? Сейчас расскажу историю. Представьте, он рвался лично участвовать в десанте на Пантеллерию с американскими морпехами. – Эйзенхауэр издал квохтанье, отдалённо напомнившее человеческий смех. – Заверял меня, что это нужно для подъёма боевого духа всей коалиции и совершенно безопасно, ведь гарнизон макаронников не больше трёх тысяч.

– Что же вы не позволили?

Американец уселся на металлический стул и забросил ногу за ногу.

– Пожалел наших парней, которым пришлось бы тащить борова на берег, а потом укрывать от пуль. В толстую мишень промахнуться сложно.

– Я что-то слышал о пари... – Монтгомери, отнюдь не боготворивший Черчилля, тем не менее раздражался, когда его высмеивали иностранцы, и поспешил скорректировать тему беседы.

– О да! Он спорил, что после бомбёжек острова там мало останется живых итальянцев. Тысячи три, не более. В общем, мы хлопнули по рукам: если возьмём больше трёх тысяч пленных, он мне отсчитает по десять центов за каждого.

– А если меньше?

– Тогда я ему плачу столько же за каждого недостающего... Признаюсь, Бернард, я никогда с такой тревогой не прислушивался к нашей стрельбе, ведь всякое удачное попадание отни-

мало у меня десять центов. Какова же была моя радость, когда Черчилль вручил мне четыреста долларов!

– Он – баронет, совсем не из бедной семьи. По вашей таксе ему хватит денег, чтобы выкупить всю итальянскую армию, сдавшуюся в плен. Виски?

– Благодарю, не стоит. Скоро лететь назад, а после виски меня укачивает. – Американец уселся возле стола, закинув ногу за ногу. – Генерал, во всей этой грядущей аванюре есть несколько неприятных моментов.

– Несколько – слабо сказано, – согласился Монтгомери. – Что лично вас больше всего волнует? До высадки чуть больше недели, что-то менять слишком поздно...

– Но не поздно подумать, что делать дальше. Александр слишком полагается на экспромт. Я бы снял его с командования операцией, но у него в Военном министерстве мощные связи. Допустим, вы сумеете закрепиться и двинуться нам навстречу. В общем, я в этом не слишком сомневаюсь, – острый ноготь Эйзенхауэра чёркнул по карте Сицилии на столе у англичанина. – А дальше? Сразу двигать к Палермо? Или ждать, пока нам разрешат переправить на Сицилию ещё несколько дивизий?

– Я бы высадил десант в Калабрии, – уверенно предложил Монтгомери. Он не добавил, что взял бы командование операцией на себя, обходясь без американских подсказок, зная, насколько ревниво Эйзенхауэр относится к подобным заявлениям. – Тогда три немецкие дивизии и остатки итальянцев мы раздавим в Сицилии. Иначе они эвакуируются на материк.

– Иной раз думаю, что вы, англичане, это какая-то нация самоубийц. Да, разгром сицилийской группировки на севере острова укрепит наш успех... Но в Калабрии десант погибнет. По суше и по железной дороге враг гораздо быстрее перекинёт подкрепления, чем мы – морем.

– Да, жертвы будут, Дуайт. Но меньше, чем потери в боях с немецкими полками, если их выведут с Сицилии.

– Грёбаная арифметика! – Эйзенхауэр хлопнул пятернёй по столешнице. – Эта ваша британская жертвенность меня всегда раздражала. Сколько же вы людей уложили, пытаясь внушить наци, что Сицилия – не ближайшая цель десанта?

– Один экипаж «дакоты», польский. Он упал у Сицилии с кучей карт Греции, греческими разговорниками...

– Польский? То есть людей второго сорта? Бернард, вы же современный человек, а до сих пор делите всех на первый сорт, то есть истинных британцев, и остальной мир. У фюрера точно такая же точка зрения... Не перечьте мне. И один, и два, и десять экипажей гибнут во время авианалётов. Но от огня врага. Вы убили своих своими же руками. Молитесь, чтоб история не выплыла наружу. Собственно, об этом я и хотел с вами поговорить – уточнить детали операции, чтобы она принесла нам как можно меньше потерь. Скоро высаживаться на материк, избиратели в Соединённых Штатах спрашивают – надо ли это рядовым американцам? Рузвельту не просто их убеждать...

– Война и политика неразрывны.

– Да. И я думаю, что десант в Сицилию задуман не только как расчистка Средиземного моря для нашего судоходства. И не только как плацдарм для захвата Италии. Политика тоже важна. Само название операции – «Хаски»...

– Кстати, Дуайт, кто её придумал?

– Точно не знаю, но, по-моему, это был ваш неутомимый премьер. Он второй год рассыпается в обещаниях Сталину расширить военные действия на Западе. До сих пор основная война с Гитлером идёт на Востоке. Черчилль где-то прочёл, что сибирские лайки стаей охотятся на медведя и чтобы он их не растерзал, одна или две постоянно крутятся у него за спиной и время от времени кусают в задницу. Не знаю, правда ли это про охоту на медведя или толстяк как обычно всё выдумал. Но он видит сицилийскую операцию именно как укус хаски

в медвежий зад. Русским полегчает. За год они ещё потреплют нашего общего врага, тогда и мы войдём в Европу – через Ла-Манш или через Италию, не столь важно.

У Эйзенхауэра своё деление на людей первого и второго сорта, подумал Монтгомери. Задержка с высадкой на материк и тактика одних лишь укусов в филейную часть немецкого зверя неизбежно повлекут дальнейшие потери у русских. Но американца почему-то это не так волнует, как судьба нескольких поляков на Сицилии.

След от ногтя американского генерала, отметившего на карте зону высадки и развёртывания британской 8-й армии, перечеркнул кружочек городка Пакино пополам.

Глава шестая. «Цитадель» начинается

4 июля 1943 года. Белгород

Накануне решающего наступления на Курск у генерал-фельдмаршала фон Манштейна дико болела голова. В часы, когда он должен был находиться в своём штабе и контролировать последние шаги перед операцией, Гитлер дал «более важное задание». С фюрером не спорят, и командующий южной группировкой бросил войска, чтобы лететь в Бухарест ради награждения маршала Антонеску золотым знаком за крымскую кампанию! После пышных празднеств и обильных возлияний 55-летний фон Манштейн, обычно не перебиравший, чувствовал себя отвратительно. В «юнкерсе» немилосердно болтало, и когда самолёт поздно вечером 3 июля приземлился в Белгороде, немецкий командующий был готов рвать голыми руками и своих, и чужих...

Вызванные среди ночи командиры танковых корпусов торопливо докладывали о последних приготовлениях. Всё, что можно было сосредоточить для удара на север, находилось в состоянии низкого старта, командовавший 2-м танковым корпусом СС обергруппенфюрер Хауссер заверял – после артподготовки и массированного налёта авиации наступление на Обоянь можно начинать уже сегодня, и потребовались усилия, чтобы осадить самоуверенного эсэсовца.

– Нет, абсолютно невозможно. Фюрер лично назначил дату операции – 5 июля.

Фон Манштейн одобрил только локальные выпады 4-й танковой армии вдоль линии соприкосновения с 6-й гвардейской армией русских, где немецкие части находились на невыгодных исходных рубежах, полоса обороны противника не просматривалась, артиллерией обстреливалась наугад.

– Помните нашу главную задачу, господа. Наша 4-я танковая армия прорывает оборону противника в направлении на Курск, продвигаясь через рубеж Марьино – Обоянь, потом как можно быстрее устанавливает связь с наступающей с севера 9-й армией. Все остальные направления и задачи – второстепенные.

Отпустив генералов, фельдмаршал вперился взглядом в карту со свежими карандашными отметками расположения танковых дивизий. Сил много, но сил не хватает! Фюрер не дал практически ничего из группы «Центр», где больше войск и техники на километр фронта. До сих пор держит армию у Новороссийска, всё ещё надеясь через тот плацдарм вернуться на Кавказ. По-прежнему множество соединений ждёт своего часа в Европе, перекрывая всё южное и западное побережье в страхе перед гипотетической высадкой союзников.

Наш южный фланг на русском фронте слабый, русские могут в любой момент ударить от Миуса в направлении Донецка и выйти к Азовскому морю, разгромив сосредоточенные здесь войска, а если подтянут резервы, растущие у них в тылу как грибы, и дополнят свои действия броском к Киеву, это – конец... Русские за несколько недель захватят всю Украину. Стратегическая ситуация поставила командующего группой армий «Юг» в положение шахматиста, который с началом операции будет вынужден непрерывно объявлять «шах» сопернику и не давать ему возможности организовать контрнаступление, потому что отразить это контрнаступление нечем.

– Вагоны поданы! – доложил адъютант.

Пока гремит «Цитадель», жить и работать придётся на колёсах в штабном поезде, в условиях куда более спартанских, чем в Белгороде. Но как же болит голова... Что тут скажешь, в варварской стране и лечиться надо местными, варварскими средствами – пить с вечера и с утра. Фельдмаршал всем телом, стараясь не дёргать головой, обернулся к адъютанту.

– Вилли... Принеси мне коньяку. Кончился?! Шайзе! Тогда хоть шнапса... Шнапс есть у нас, чёрт подери?

Что у нас вообще есть перед самой ответственной операцией года в достаточном количестве? Этого он не добавил вслух.

Если бы фон Манштейн знал, сколько на самом деле танков, артиллерии, авиации, живой силы имеется в распоряжении Центрального, Воронежского и Степного фронтов Советского Союза и до какой степени вермахт численно уступает на южном фланге, голова у фельдмаршала не просто болела бы, а разлетелась на куски.

4 июля 1943 года. Воронежский фронт

На юге грохотало.

Даже во время затишья линия фронта редко окутывается тишиной: немцы регулярно осыпают беспокоящим огнём, красноармейцы не остаются в долгу. Когда умолкают пушки, периодически доносится треск пулемётов, иногда – хлопки одиночных выстрелов.

Впрочем, стрельба малых калибров слышна только на передовой, в непосредственном соприкосновении с врагом. До 1-й гвардейской танковой бригады во втором эшелоне докатывалась только орудийная пальба. Утром 4 июля она стала намного чаще. И безо всяких дополнительных инструктажей танкисты догадались: на юге, где окопалась 6-я гвардейская армия, немцы начали действовать.

Экипажи постоянно находились у машин, в том числе у танка под двадцатым номером.

Андрей за прошедшие четыре дня подуспокоился. Он сделал всё, что мог, и если предстоящая битва, в близости которой никто не сомневается, пройдёт мимо, значит, такова судьба, и она уготовила для него другие испытания, но позже. Ждём...

Особенно это настроение усилилось вчера, когда прибывший с капиталки дизель местными усилиями был водружён на место и завёлся, Семёныч, дав ему проработаться, осторожно тронул «тридцатьчетвёрку» с места, после чего из бронированной утробы раздался скрежет, и танк словно врос в землю, по всей видимости – надолго, потому что сорвался главный фрикцион.

О хронической неудачливости новенького знала вся бригада. Даже медсестричка Любонька, за отсутствием боёв и раненых помогавшая кашеварам на кухне, смотрела участливо и зачерпнула со дна побольше, накидывая порцию в котелок.

«Эх, лейтенанты молоденькие, нецелованные... Куда ж вам, в пекло...» – говорили её шаловливые и немного грустные глаза.

Разумеется, никаких плотских утех подарить гвардии лейтенанту она не смела. Женщин на фронте мало, все наперечёт. Те, что строгих нравов, считались «сёстрами» бригады: обидишь, тронешь такую помимо её воли, и виноватого найдут в канаве с пробитой головой. Ну а чья крепость пала под огнём мужских взглядов, те крутили военно-полевой роман со старшими офицерами, забеременевших немедленно отправляли в тыл. Впрочем, в образцовой 1-й гвардейской танковой бригаде подобных скандалов не случалось, по крайней мере – давно.

Получив еду из вкусно пахнущих, пусть и огрубелых от фронтовой жизни женских рук, Андрей водрузил котелок на надгусеничную полку «тридцатьчетвёрки», но не успел даже надломить краюху чёрного хлеба, как его отвлек нестройный матерный хор мужских голосов, среди которого солировал жалобным повизгиванием стрелок-радист Шурик.

– Твой боец?! – рявкнул Бочковский, удерживая гвардейца за ворот точно шелудивого пса, стянувшего хозяйскую колбасу.

– Так точно, товарищ гвардии старший лейтенант... Что он натворил?

– Лампы из соседнего танка спёр!

Ефрейтор виновато опустил физиономию.

«Только не колись!» – мысленно взмолился Андрей. Крысятничать – грех, это он хорошо усвоил и в детдоме, и в училище, хоть в Красной армии грех воровства широко распространён. Красть всё, что плохо лежит, – в национальном характере.

Если по-честному, радиолампы вряд ли «плохо лежали». Судя по докладу командира соседнего танка, боец влез к ним внутрь, когда экипаж вооружился котелками и занял очередь к Любоньке. В танке открутил кожух радиоприёмника и стащил две радиолампы. Времена, когда рации комплектовались положенными по инструкции запасными лампами, ушли в прошлое, если вообще такое бывало.

– Разрешите спросить, товарищ гвардии старший лейтенант, его прямо за этим и застукали?

Наступило секундное замешательство. Шурика видели крутящимся около обворованного танка, но не залезающим внутрь и тем более не раскурочивающим рацию. Однако воришка сам всё испортил. Воспользовавшись, что командир взвода ослабил хватку на воротнике, ефрейтор выскользнул из рук офицера и нырнул в люк «двадцатки», вернувшись с двумя лампами в ладошке.

– Ну, извиняй, лейтенант, доложу комбату. Пусть он решает, как твоего партизана благодарить, по-лёгкому или с занесением в бубен. – Бочковский резко развернулся и ушёл, командир соседнего танка отозвал своего мехвода, помогавшего чинить фрикцион развалюхи Андрея.

– Под арест пойдёшь, урод! – просипел лейтенант. – А пока – марш к механикам, помогай им с трансмиссией!

– Виноват... Разрешите, я только с рацией закончу.

– Ты же лампы отдал! – изумился Андрей.

– Я старые дохлые отдал, с рации комбрига. У соседей всё равно приёмник не работает, анодной напруги нет.

– Кулибин грёбаный! – командир аж задохнулся от злости. – Марш к механикам! С рацией потом ковыряться будешь. Если никуда не поедет, на хрен не упала твоя рация!

Шурик покорно двинул к раскрытой корме танка, но при первой возможности сбежал оттуда, и вскоре командир услышал характерный вой умформера – высоковольтного преобразователя напряжения для радиостанции. Намереваясь вздрючить радиолобителя по самые помидоры, Андрей сунулся в люк мехвода.

Шурик азартно щёлкал переключателями.

– Работает радио, товарищ гвардии лейтенант! О... кажись фрицы вещают – сдавайтесь, русские, великий фюрер обещает вам счастливую жизнь. Чо-то про нас, украинцев, эти суки молчат...

У Андрея потемнело в глазах. Если сейчас нелёгкая принесёт Волощенко или кого-то из его стукачей – не отбрешешься!

Он схватился за шлем Шурика и сдёрнул с головы, едва не свернув ремешками ларингофонов цыплячью шею ефрейтора.

– Ты у меня поагитируй, гад! Своими руками пристрелю!

– Так я же никому... Показать хотел – работает рация... На приём – точно. На передачу ещё не проверил... – Он утёр нос, запачканный маслом из танковой трансмиссии. – Вас все шпыняют, товарищ гвардии лейтенант. Зато у нас рация будет, как у людей.

Андрей вылетел из танка как пробка из бочки, оставив разнос на неопределённое будущее.

Вот так. Все его жалеют. Даже свой экипаж. Даже перезрелая медичка, осмотревшая его с ног до головы, включая причинное место, женщина вздохнула тогда, не обнаружив венерической инфекции: откуда же ей взяться у этого ребёнка. И командир батальона, и командир бригады жалели, потому что попал на карандаш особому отделу и профукал новенький танк.

Между прочим, фельдшерица не права. Был случай в детдоме. Не со старшеклассницей, конечно, что бы о них ни говорили, всё оставалось досужими сплетнями. С молоденькой учительницей музыки, у которой арестовали мужа. Не за политику, пришили какую-то очень мелкую кражу, подробности Андрей так и не узнал.

Лидия Сергеевна как-то оставила парня после уроков. Десятиклассник единственный из учеников хорошо разбирался в нотной грамоте и в сольфеджио. Та же математика, в которой он успевал лучше других, только музыкальная. Но когда школьный хор выводил песню «Весёлый ветер» из всеми любимого фильма, Андрей немилосердно фальшивил, его громкий голос перекрывал другие, более чистые голоса.

А ну-ка песню нам пропой, весёлый ветер,
Весёлый ветер, весёлый ветер!
Моря и горы ты обшарил все на свете,
И все на свете песенки слышал...

После первого же куплета Лидия Сергеевна просила Андрея петь потише, лучше – вообще про себя, и сокрушалась, что такой звонкий тенор не украшает хор.

Перехватив в столовке, несостоявшийся Карузо кинул мешок с тетрадками Михе и потопал в спортзал, он же актовый, когда в том возникала нужда. В нём стояло единственное пианино.

Учительница сидела на стуле и задумчиво читала какую-то книгу. Андрей, глядя на неё, вдруг оробел. Сам сын гимназического педагога, в детдоме он принял общее отношение к учителям как существам особым, образованным, высоким. О какой-то фамильярности, насмешках, подначках учителя даже речи не шло. Осиротевшим подросткам и в голову не приходило шалить так, как это было в младших классах. Если бы кто-то сказал гадость учителю, виноватого вряд ли бы даже наказали, просто сочли недоумком.

Лидии Сергеевне не исполнилось и тридцати. Аккуратная фигурка в темно-синем или тёмно-коричневом платье зимой либо в светлом ситцевом ближе к лету всегда была перетянута в поясе тугой лентой, подчёркивая тонкость талии на фоне пышных плеч и груди. Стриглась учительница коротко, немилосердно срезая густые каштановые волосы. В правильных чертах лица отчётливо проступало что-то неславянское, какое-то южное, кавказское или даже еврейское, Андрей был слишком неопытен для точного определения происхождения школьной дамы, а спросить, понятное дело, никто бы не осмелился. Лидия Сергеевна смотрелась интеллигентнее других школьных дам, говорила академически правильно, в отличие от начинавших образование на рабфаках.

Глядя на её профиль, на котором выделялся нос с небольшой горбинкой, Андрей превозмог смущение и кашлянул.

– Кревский? Что же ты стоишь? Ну, подойди ближе. Баранку хочешь? Впрочем, потом. Крошки сушат горло.

Она не заставляла петь его «Весёлый ветер», брала на инструменте единственную ноту и заставляла повторять её голосом, поправляя – выше или ниже.

– Не попадаешь... Отвернись! – учительница ударила по клавише. – Теперь найди на фортепиано, какая нота прозвучала.

Перебрав несколько, Андрей уверенно толкнул «ре» третьей октавы.

– Правильно! Теперь две ноты.

Промучив его и с тремя нотами, Лидия Сергеевна констатировала: у парня абсолютный слух. Но практически нет связи между слухом и голосом.

– Давай ещё раз. Я беру фа. Как только нота стихнет, – она тиснула педаль ножкой в кремовой туфельке, – повтори её мысленно, внутри себя. Готов? Теперь спой! – выслушав,

учительница покачала головой. – Ты же сам слышишь, что это не тот звук. Не расстраивайся, всё получится. Ещё раз. Бери пример с брата – он поёт замечательно.

От неё исходил тонкий, очень женский запах, смешанный с ароматом сентябрьской сушёной травы, тянувшим из открытого окна. Завиток коротких тёмных волос игриво приоткрывал ухо молодой женщины. Карие глаза смотрели участливо и с улыбкой.

И с Андреем началось неладное. С той самой роковой ночи на Белорусском вокзале он чувствовал себя будто на нелегальном положении, не позволял себе расслабиться даже наедине перед Михой. А тут вдруг накатило...

– Что с тобой, Кревский? Тебе нехорошо?

– Нет... Просто со мной никто... Так... После мамы... Все только требуют, понукают, давай-давай... Вы – добрая!

Лидия Сергеевна убрала руки с клавиш и легко коснулась макушки ученика.

– Я слышала. Твою маму убили фашисты.

Его и прорвало. Словно некий клапан больше не мог выдержать давление.

– Фашисты... Да! Но не те, не германские. А московские мусора, волки позорные!

Глотая слёзы, он вывалил ей всё, что совершенно не следовало говорить абсолютно никому и никогда. Про отца, брата и сестру в Войске Польском. Про грозящий матери арест из-за её неблагонадёжности и принадлежности к буржуазной интеллигенции, вынудивший их бежать. Про слишком бдительных вокзальных ментов, из-за которых мама попала под поезд.

– О Господи... Андрюша, ты же никому...

– Кроме вас – никому.

Она гладила его по голове как маленького, а он, почти взрослый, стоящий на пороге восемнадцатилетия, хлюпал носом и не стеснялся слёз. Две солёные дорожки перечеркнули обе щеки, капли падали на застиранную рубашку.

– Как тебя зовут на самом деле?

– Анджей. На польский манер. Но я уже отвык...

– Хорошо. Я по-прежнему буду называть тебя Андреем, – она убрала руку, и от прекращения невинной ласки парень почувствовал почти физическую боль. – Успокойся, на сегодня хватит. Позанимаемся в другой раз. Ты – способный. Только никому, слышишь? Никому и ни за что не признавайся. Мой муж ни в чём не виноват, но его заставили признаться... Думаю, что никогда его не увижу. Оттуда не возвращаются. И на меня смотрят косо – жена уголовника. Мы живём в слишком сложном, порой очень страшном мире. А тебе ещё за братом присматривать нужно. Я видела, он хороший, но валенок валенком, такие сами по себе в детдомах не выживают.

– Без меня Миху зачмурили бы, – после вспышки чувств Андрей немного успокоился.

В коридоре он нашёл мутное зеркало и придирчиво осмотрел себя – не остались ли на лице следы рыданий. В спальней комнате шестнадцать коек, кто-то из соседей наверняка заметит и не преминёт высмеять плаксу. Опасения оказались лишними: подростки развлекались физподготовкой с Михой, по очереди брали его за ноги, поднимали и заставляли бегать на руках. То, что Миха давно выдохся и регулярно падал, втыкаясь сдобной рожицей в доски пола, весельчаков не останавливало. Андрей прямо с порога бросился в драку и уже через пару минут украсился фингалами от кулаков... Миха только постанывал где-то внизу и ни во что не вмешался. В память о мордобое осталась щербина на переднем зубе, кто-то из детдомовских недолго думая врезал Андрею кастетом.

Но это не имело особого значения. После дополнительного урока всё будто перевернулось внутри. Ощущение, будто мягкая женская рука прикасается к его волосам, стало навязчивым. Он под предлогом шахматных занятий мог отлучаться из детдома и выследил, что Лидия Сергеевна снимает часть деревянного дома неподалёку, в паре километров. Однажды увязался

за ней. Учительница заметила слезку буквально у самой двери, Андрей неуклюже попытался сделать вид, что забрёл сюда случайно, был изобличён и приглашён на чай.

Тогда всё и случилось. Как – он не смог бы рассказать, это было словно в бреду. В самом прекрасном в мире бреду! Теперь не только Лидия Сергеевна знала страшную тайну Андрея и Миши, парня и взрослую женщина объединила другая тайна.

Он проговорился Михе лишь в танковом училище, брат не поверил, счёл бахвальством.

Удастся ли увидеть Лидию Сергеевну ещё хотя бы раз? А ещё лучше – снова почувствовать её волшебные руки у себя на волосах. И не только на волосах...

Для этого надо пережить войну.

Прислонившись пятой точкой к броне усталой «тридцатьчетвёрки», Андрей лизнул языком бумажку и свернул самокрутку.

Советская Россия обошлась жестоко и с мамой, и с мужем Лидии Сергеевны, и со многими другими, ни в чём не повинными людьми. Но оставшиеся в живых – там, в тылу. А он – здесь, у самой линии фронта. Когда треклятый фрикциион станет на место, Андрей пойдёт в бой за Лидию Сергеевну, за всех баб и мужиков.

А после войны будет видно.

Он затаился и прислушался к усиливающемуся грохоту немецкой канонады.

Глава седьмая. Время решений

Пакино, Сицилия. 5 июля 1943 года

Джузеппе Капуана снова благоухал как свежий пион.

– Синьорина не будет возражать, если я предложу ещё один променад?

– Я в вашей власти, синьор. В плену. Как вам будет угодно.

Сицилиец даже не стал возражать в обычном своём ключе: «вы не пленница, а моя гостья». Или: «что же мне сделать, чтобы завоевать ваше доверие». Он аккуратнейше взял Марылю за локоток и сопроводил по коридору комендатуры к выходу.

У крыльца стояла двуколка с поднятым верхом, запряжённая серым осликом с печальными глазами. Ослик что-то жевал и источал непередаваемое равнодушие к происходящему, но тянул неожиданно бодро, даже когда дорога шла на подъём.

– Искренне жаль, дорогая Марыля, что я вправе показать вам только Пакино. Поверьте, Сицилия прекрасна! Я бы свозил вас в Сиракузы, на родину нашего великого предка – Архимеда...

– На ослике? – улыбнулась пассажирка.

– На «фиате». Мой ушастый друг для дальних поездок слабоват.

– Насколько я помню, Архимед – грек, а не итальянец.

Любуясь пейзажами, а любой из них стократ приятнее осточертевшего вида из зарешёченного оконца, девушка пыталась поддержать светскую беседу.

– Он – эллин. Балканы заселены пришельцами с севера, эллины растворились среди них. А в наших жилах наследие Эллады продолжает жить. Я уже объяснял, что сицилийцы – ни в коем случае не итальянцы...

– Я помню.

– А ещё я мечтаю свозить вас в Тармину, где открывается невероятный вид на Этну, самый крупный вулкан в Европе из действующих. Затем – в ущелье Алькантара, оно недалеко от Катании, просто фантастическое место. И в нашу столицу – Палермо, где дворец и усыпальница сицилийских королей.

– Скажите, Джузеппе, а вы хотели бы, чтоб Сицилия отделилась от Рима, обрела независимость?

– Как офицер итальянской армии, я присягал на верность нашему великому дуче. Но если начистоту... – Он приглушил голос, подозрительно зыркнув на осла, словно тот мог донести о крамольных беседах. – Если честно, большинство сицилийцев мечтает именно об этом.

– Но ваша мечта несбыточна, пока Италия остаётся союзником рейха. Представьте на миг, капитан, что союзники высаживаются здесь, а не в Греции, и гарантируют сицилийцам независимость, если те поддержат десантников.

– Произойдёт страшное. Сторонники независимости не только начнут воевать против немцев. Они вырежут в постелях сторонников Рима. Здесь будут реки крови, как в России... Вы ещё не слышали? Фюрер сегодня объявил о начале самого грандиозного наступления за всю историю Восточного фронта. Вот и посмотрим.

Привычным жестом контрразведчик поправил тонкий ус.

В этом он весь, подумала Марыля. Если немцы одержат победу в России, окрепнут и защитят свои завоевания от западных союзников, сицилийцы с итальянцами останутся на их стороне. Но Капуана полон сомнений после капитуляции в Тунисе и Сталинграда. Поэтому медлит с выбором.

Двуколка простучала деревянными ободами по булыжнику и остановилась у глиняного забора, за которым приютился низкий домик с покатой крышей. Если в центре городка пре-

обладали двухэтажные, иногда – с элементами античной архитектуры, этот был проще и одноэтажный.

Капитан вышел из коляски. Распахнулись створки ворот. Ослик, ведомый за упряжь, втянул повозку во дворик под навес, увитый виноградом. Опираясь на руку спутника, Марыля ступила на камни.

С крыльца спустилась женщина лет пятидесяти в чёрном. Капуана почтительно ей поклонился и произнёс фразу по-итальянски, в ней Марыля разобрала свое имя и слово «мама».

Мама? Он привёз её домой?!

Даже беглое знакомство с Сицилией позволило узнать, насколько важны здесь семейные узы, с каким уважением дети относятся к родителям и особенно – к матери. Приглашение в дом означает, что офицер уже принял какое-то важное решение касательно судьбы пленников, по крайней мере – по отношению к Марыле. Что же её не предупредил, потратив время на пустопорожний трép о достопримечательностях острова?

За столом он говорил с ней по-английски, с домашними – на местном диалекте, отличающемся от материкового итальянского, за время заточения девушка успела выучить пару сотен слов и даже понимала, о чём речь, если собеседники не тархтели со скоростью авиационного пулемёта.

– Дорогая, время идёт, меня торопят, а ваш брат так и не дал согласия на сотрудничество. Торопит не только начальник, но и германская разведка, абвер.

– Значит, не вы определяете нашу судьбу...

– Не я один. Иначе всё было бы проще. А привёл вас к нам домой, в нашу семью, чтобы показать чистоту намерений. Мою искренность.

За столом на веранде во внутреннем дворике кроме пожилой женщины сидел ещё целый выводок подростков и совсем маленьких детей. Взрослые – на работе или в армии, подрастающее поколение сгружено на побывку в этот двор с белым домиком. Две девицы оказались сёстрами капитана, остальные представились как кузены или племянники, Марыля насчитала итого семь душ.

– Давайте оставим на минуту политику и войну. Мама волнуется, почему вы не пробуете её блюда с рикоттой.

Ещё суп и несколько блюд с рыбными продуктами и пастой, а также целый набор яств непривычного вида, если их не перепробовать – мама продолжит волноваться. А если вкусить каждого, то разорвёт...

– Положите мне каждого, только чуть-чуть. Совсем немного... Грация.

Дети дружно засмеялись, когда Марыля попробовала сказать спасибо по-итальянски. Сицилийский диалект, основательно отличающийся от континентального языка, юные Капуана считали правильным, а речь уроженцев Рима – недоразумением, поэтому попытка гостьи учить «не тот язык» позабавила детвору.

Обед длился долго. Капуана на правах хозяина долго не подбирался к серьёзному разговору, потом начал кружить вокруг скользкой темы, постепенно сжимая петлю. Предложение разведки, много раз обсуждавшееся в камере комендатуры, совершенно не привлекало.

– Брату претит предложение оставить меня в Сицилии в качестве заложницы. Лучше уж мы поблагодарим вас за гостеприимство и отправимся в лагерь для военнопленных. Если у немцев действительно дела столь хороши, война скоро кончится.

Офицер расстроился, как показалось Марыле, искренне. Его насупленная смуглая физиономия с чёрными стрелками усов и увлажнившимися тёмно-карими глазами выражала неподдельную грусть, и это не могло оставить девушку равнодушной.

– Дорогая синьорина! – промолвил он, справившись с чувствами. – Речь не идёт о том, чтобы быть заложницей, пленницей, арестанткой. Я специально привёл вас в свой дом, чтобы вы увидели мою маму, она – вас. Живите здесь до конца войны.

Матка Боска... Да ведь это практически предложение выйти замуж!

Когда вечером того же дня Марыля рассказывала в камере о разговоре, Войцех был не менее удивлён.

– Так всё-таки замуж или как-то по-простому, без церемоний? А то сверну башку твоему Ромео, мявкнуть не успеет.

Сестра расправила невидимую складку на платье. В цивильном она нравилась себе куда больше, чем в униформе.

– Я не постеснялась спросить: в качестве кого там останусь, квартиранткой, помощницей в уходе за детьми? Он ответил на редкость разумно: сказал, что имеет самые серьёзные намерения, но не вправе спешить и, тем более, меня неволить. Ох, дорогой, у меня никогда не было столь красивого поклонника. Он такие цветастые комплименты отпускает!

Войцех, отлежавший бока на койке в перерывах между прогулками, расхаживал по тесной камере: четыре шага туда и обратно.

– И его цветастые речи – единственная гарантия твоей безопасности?

– Представь, он предъявил ещё одну гарантию, с их точки зрения самую весомую.

Через полчаса после того, как Капуана попробовал расставить точки над *i*, на веранде появился низенький щекастый сицилиец лет пятидесяти в широкополой тёмной шляпе и тёмном шикарном костюме, отнюдь не для летней жары. У него за спиной переминались с ноги на ногу два парня самого призывного возраста, но почему-то не взятых в армию, с охотничьими ружьями за спиной.

Детишек как волной смыло. Офицер почтительно поцеловал руку толстяку.

– Дон Кальцоне...

Затем последовал торжественный спич на местном наречии, что-то о большой чести, уважении, подробностей Марыля не разобрала.

Новоприбывший оказался предводителем местной группировки Коза Ностры, организации тайной, но тем не менее по своим возможностям конкурировавшей с официальными властями Муссолини. Дон торжественно выслушал капитана и важно кивнул, подтверждая, что мафия берёт девушку под своё покровительство.

Криминальная «крыша» отнюдь не порадовала Войцеха.

– Только этого не хватало – заступничества бандитов. Сестра, а ты уверена, что твой поклонник верно перевёл слова мафиози?

– Думаю – да. Мордатый наговорил много всего, о ненависти сицилийцев к итальянским колонизаторам и германским оккупантам, что местные все как один встанут на сторону англичан, если те высадутся на острове. Капуана морщился, внутренне не соглашался, особенно когда тот распинался о всенародной поддержке британского десанта, но переводил. Похоже, дон Кальцоне здесь слишком большая шишка, чтобы извращать его слова. Кстати, он – родственник нашего капитана, именуется дядюшкой, но, может, это только фигура речи. В маленьком городке они почти все – родственники.

– А скоро и я породнюсь с этим бандюком через тебя, – хмыкнул Войцех. – Итак, дальше тянуть время мы не можем. Надо решать.

– Да. Я склоняюсь довериться Джузеппе. Война войной, но и личную жизнь надо устраивать. Моложе не становлюсь, знаешь ли. И тебе у наших в Палестине будет безопаснее, чем в лагере военнопленных.

– Но мы расстанемся!

– Не навсегда...

Воронежский фронт. У села Яковлево. 5 июля 1943 года

Вдалеке от провинциальной и обманчиво мирной Сицилии разворачивалась одна из самых страшных битв Второй мировой войны.

– ...Во-озду-ух!!!

Древнейшие инстинкты, требовавшие выжить любой ценой, швырнули на землю. Андрей скатился в щель, вслед прыгнули трое бойцов его экипажа.

На утренней небесной синеве сквозь клетки маскировочной сети проступил рой чёрных точек. Казалось, он сейчас вырастет, накроет вроде бы надёжно замаскированные танки, и самая подлая бомба непременно угодит в щель, где залёг ещё не обстрелянный гвардейский экипаж!

Сколько говорилось про надсадный вой пикирующих бомбардировщиков, про убийственную точность немецких лётчиков... Но ничего не произошло. Молчали 37-миллиметровые пушки противовоздушной обороны. Немецкий строй развернулся вдалеке, и зловещие точки устремились вниз. К артиллерийской канонаде, доносящейся со стороны позиций 6-й армии, добавились отзвуки взрывов авиабомб.

– Соседей причёсывают, – прокряхтел мехвод.

– Или бомбят минные поля – проходы делают, – Андрей не преминул блеснуть учёностью, набранной в училище, и выполз из щели наверх, не дожидаясь отбоя воздушной тревоги. Ясно же, не их бригаду выбрали целью. Точнее, в этот раз – не их бригаду.

Обзор заслонили начищенные сапоги, приспущенные гармошкой.

– Попрыгались? А кто танк будет оживлять? Гвардии лейтенант!

Проигнорировав команду «воздух», перед маскировочной сеткой стоял ротный – старший лейтенант Бочковский. Андрей выбрался наверх и коротко бросил пальцы к виску, отдавая честь.

– Заканчиваем...

– Быстрее заканчивай. Знаю, танк старый, изношенный, в нём всё надо менять кроме брони. Чует душа, хоть мы во втором эшелоне, команда на выдвижение в любую секунду прилетит. Кревский, мне на тебя рассчитывать? Или ещё день-два решил копать?

Андрей приоткрыл рот для ответа, но осёкся. Бочковский прямо намекает – в первом бою неопытный экипаж с зелёным командиром не сильно нужен, можно оставаться в резерве. Иными словами – не лезть вперёд бабки в пекло.

Танкист оглянулся на троицу своего экипажа, но не нашёл у них поддержки никакому решению – три пары глаз уставились вопросительно, ожидая слов командира.

Ну, будь что будет...

– Так точно, работа всегда есть. Но «двадцатый» заводится, едет, оружие в порядке...

– Понял. Значит, повоюем. Радио как?

– Ловит, товарищ гвардии старший лейтенант, – высунулся Шурик, заработав нагоняй от ротного – не к нему обращались.

– Хороша же у тебя дисциплинка, Кревский. То лампы стырит, то вперёд командира вылезает. Займись. А как тронемся, радио слушай. У вас во взводе с рациями беда. – Бочковский присел на корточки с папироской, приглашая то же сделать подчинённому, и добавил чуть тише: – Комбриг на взятом у тебя танке попробовал ездить, у него тотчас на двух катках резина отслоилась, потом манометр масла вылетел. Знаю, не ваша вина, что плохо собирали, манометры сейчас – вообще дерьмовые... Но особист уже нюхал, жалом водил, отчего такое вредительство и опять из-за поляка Кревского. Понял? Держи ухо востро. Но в первом бою не рискуй, не пытайся показать из себя героя. Смотри на меня и на взводного. Главное – маневрируй, выскакивай у немца из прицела. Вон, мехвод у тебя битый, опытный.

Тот проводил взглядом начальство и засопел, вытирая ноздри замасленным рукавом комбинезона. Час назад Семёныч пытался втемяшить лейтенанту, что лучше не ставить все секции антенны и забить на качество приёма. Немец высматривает – у кого по правому борту самая

длинная удочка торчит, скорее всего, это и есть командирская «тридцатьчетвёрка», стало быть, её и надо жечь в первую очередь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.